Тысячелетия изучения мира
открыли нам многие его тайны,
но и до сих пор он не устаёт поражать
нас своим совершенством и гениальностью.

Пролог

«Человек наполнен жизнью, словно кувшин чистой родниковой водой, также, как и рождаемая землёй природа, источник бытия которой находится в божественном», – говорили атланты об окружающем их мире. Каким он был? Деятельным. Высокая пластичность земли, частые извержения вулканов и землетрясения нередко приводили в движение массы воды, смывавшие с лица земли не только острова, но и целые материки вместе с их обитателями. Чтобы остаться в живых или хотя бы повысить шансы на выживание в очередном катаклизме, им приходилось приспосабливаться и всегда быть готовыми к неожиданно возникающим угрозам.

Кишащая свирепыми хищниками природа приучила атлантов к внимательности и осторожности. Рождаясь и вырастая в естественной среде, они относились к ней, как к родному дому, куда их поместила Божья воля, и чувствовали себя частью одного неделимого целого. В силах природы атланты видели и создателя грозных стихий, и родителя зверей и растений. Наблюдая непрерывную борьбу за существование, они принимали безусловность действующих правил, устанавливающих взаимоотношения между охотником и добычей, и ни на миг не сомневались в их законности, с первых своих шагов и до последнего вздоха безропотно покоряясь ударам судьбы, подстраиваясь к заданному природой ритму, принимая его условия, следуя его установкам.

Земля для атлантов была непредсказуемым непостоянным переменчивым своенравным живым существом. Смены погоды, переходы от затишья к ураганам, они объясняли её повадками и создавали доступные своим представлениям образы, от спокойных, миролюбивых,

доброжелательных, до агрессивных, неистовых, разрушительных. Необузданный характер и лёгкость, с какой Земля меняла свои очертания, яростно вздымая и низвергая дно океана, возводя и разравнивая горы, планомерно, пядь за пядью истребляя всё живое, сравнивали со свирепостью дракона и кровожадностью ящера, поймавших жертву и терзающих её тело, отрывая и поглощая кусок за куском, а в периоды покоя представляли кроткой ланью, мирно пасущейся на буйнотравых полях и возлежащей на шелковистой зелени, жуя жвачку и спокойно взирая на безбрежные просторы. Резкие перемены поведения атланты объясняли юным возрастом планеты, с характерными для него ребячеством и шаловливостью. Когда, бывало, молодёжь сетовала на трудности, возникающие вследствие частых стихийных бедствий, мудрые старцы им говорили: «Посмотрите на детей. Они постоянно играют, и это для них естественно. Так же резвится и Земля, нам же следует не осуждать её и боятся, а увидеть в ней ребёнка, признать за ней право на ребячество, набраться терпения и ждать. Будьте уверены, со временем она обязательно повзрослеет, а повзрослев, остепенится.»

Их взгляды на мир, понимание происходящих в нём процессов, раскрываются в сказании о Земле, повествующем о том, как древние смотрели на свою планету, какой видели её связь с живущими на ней существами и вселенной.

Из древних манускриптов. Сказание о Земле.

В одном из живописных мест огромной страны расположилась небольшая деревушка, населённая радушными трудолюбивыми жителями. Деревушка та существовала испокон веков. Когда-то, в седой древности, её основал славный народ, оставивший своим потомкам замечательное наследие, благоустроенные дома и плодородные нивы. С тех пор много воды утекло, но и по сей день обитатели деревни, храня верность заветам предков, придерживаются традиционного образа жизни. Среди поселян есть немало прекрасных семей, которых можно назвать примером благонравия и трудолюбия, и всё же, ни одна из них не сравнится с семейством, возглавляемым супружеской четой, Солнцем и Вселенной. Возраст у обоих уже почтенный и, сколько их ни помнят, они всегда были вместе – так давно, что даже деревенские

старожилы лишь пожимают плечами в ответ на вопросы любознательной молодёжи о совместно прожитых ими годах.

Счастливая чета усердно трудилась на благо общины, отдавая ей всё, что могла отдать. Светлолицее Солнце, выполняя порученную ему работу тщательно, точно и в срок, снискало уважение своей дисциплинированностью и требовательностью – к себе и другим, поэтому, когда подошла очередная пора смены хранителя света и тепла, выбор пал именно на него.

Потянулись долгие годы усердного служения. С раннего утра Солнце выбирало наиболее благоприятное для освещения и согревания деревенских угодий место, разжигало факел и поддерживало его горение до позднего вечера. В обязанности хранителя входили не только уход за огнём, увеличение и уменьшение теплоты обогрева, расчёт и равномерное распределение течения светового дня, в гораздо большей степени, он должен был заботиться о создании благоприятных условий для своевременного цветения трав, злаков, деревьев, следить за ростом и созреванием всех, без исключения, видов культур, что достигалось балансом соотношения света и тепла, а также, наблюдать за равномерным высыханием сена, участвовать в сборе урожая, заготовках на зиму, и многих других жизненно важных делах поселения. Заметив недочёт или упущение, Солнце сразу же сообщало об этом старейшинам, требуя от них принятия немедленных мер к устранению либо исправлению нарушения.

Стараниями Солнца жизнь в поселении приобрела порядок и определённость, повысилась урожайность, установилась последовательность смен дня и ночи, времён года, периодов расцвета и увядания. Когда же срок его службы подошёл к концу, жители деревни собрались на очередной совет, высоко оценили качество солнечного управления и единодушно переизбрали на следующий период, а для повышения точности временных циклов, улучшения контроля за состоянием природной среды, решили на лужайке, где оно возжигало светоносный факел, на средства общины возвести ему просторный дом с высоченной смотровой площадкой. С тех пор дом Солнца, окружённый общинными постройками, полями, садами и домами односельчан, располагается в центре деревни, а сама деревня, блистающая солнечным великолепием, стала лучшим украшением мира.

Супруга Солнца, Вселенная, была единственной во всей стране нянькой-повитухой. Жители обширных территорий появлялись на свет только благодаря её умению и стараниям. Приняв роды, она ласково подхватывала младенца, заботливо пеленала и клала в уютную колыбель. С этого момента ответственность за его жизнь целиком ложилась на неё – таков был искони установленный порядок и, если кто-то из любопытства спрашивал её: «Скажи нам, матушка, кто и когда завёл этот порядок? – даже она затруднялась с ответом, чаще всего, говоря. – А кому ещё, кроме меня? Всегда так было. Забота о малышах лежит на мне со дня основания страны.» У них с Солнцем было семеро замечательных детей, четыре могучих сына, первенец Сатурн, хозяйственный Юпитер, ловкий Меркурий и деятельный Марс, слава об их мужестве и крепости гремела далеко за пределами родной деревни, и три дочки: «Дочери Вселенной одна другой краше», – шептались восхищённо глазеющие на красавиц многочисленные женихи огромной страны. Кому верить, если не им? Старшая, скромная белоликая Луна, завораживала кротостью и добротой, стройная златокудрая Венера пленяла дивной красотой, а самая младшенькая, всеобщая любимица Земля, покоряла сердца юностью и приветливостью.

Земля отличалась от степенных братьев и сестёр бойкостью и непоседливостью. Сноровистая, умелая в домашнем хозяйстве, она быстро справлялась с заданием матери и летела на луг, где подолгу бегала и прыгала, развлекаясь и придумывая новые игры. Неисчерпаемый запас энергии, гибкое тело и тонкий стан покоряли всех, особенно выделяясь во время нечастых деревенских гуляний. Как же она любила танцевать! Хлебом не корми, дай пройтись хотя бы кружочек по лужайке, а ещё лучше – завести настоящий хоровод, увлекая возвращающихся с полей порядком уставших братьев и сестёр. Чаще всего, они легко поддавались призывам любимицы, ставали рядом с ней и кружили, от всей души притопывая ногами и прихлопывая руками.

Односельчане обожали смотреть на плавное скольжение детей Солнца. Прослышав о хороводе, они бросали свои дела и опрометью мчались на лужайку, чтобы ещё раз увидеть захватывающее зрелище – вальсирующих возле своего дома легко ступающую Землю, бесшумно кружащую вокруг неё светлоликую Луну, румянощёкую кудрявую Венеру, уверенную поступь братьев. Возвращаясь с охоты, меткий Стрелец засматривался на их изящные движения, усердный, уставший от тяжёлой

полевой работы Водолей останавливался и ласково улыбался в седые усы, пастухи Козерог, Телец и Овен, загнав насытившиеся стада в загоны, вставали рядом и нахваливали танцующих, вместе с ними любовались искусные рыболовы Рак и Рыбы, братья Близнецы не отрывали глаз от пленяющей их Луны, а рыжеволосый Лев, старший охранник общественных построек, вспоминая молодые годы, мысленно присоединялся к танцующим, не упускали случая порадоваться и посмеяться даже главный счетовод общинного имущества Весы и строгая Дева, лишь Скорпион не выказывал эмоций и не покидал своего поста – изредка посматривая немигающим взглядом на лужайку, он продолжая следить за деревенскими полями, оберегая их от вредителей и паразитов. Вместе со всеми радовались Солнце и Вселенная, особенно любуясь юркой быстроногой звонкоголосой Землёй, и не мудрено, её тонкий стан и грациозность движений очаровывали даже случайных прохожих.

Обитатели безбрежной страны вели простой образ жизни, постройки возводили из неотёсанных камней и необработанных брёвен, в быту обходились простейшими предметами, изготовленными из подручных материалов, одежду носили однообразного серого цвета, нескладную и мешковатую, пошитую из грубо сотканной ткани. Ни в бытовых, ни в личных украшениях никто из них не нуждался и не искал их, тонкости и изяществу вещей значения не придавал, всё внимание обращая на важнейшее – отдавая приоритет добросовестности, точности, исполнительности и практичности, твёрдо придерживаясь строгости нравов, не признающих пустых излишеств и надуманной вычурности.

Земля не понимала присущего им аскетизма и не хотела жить в однотонном мире. С юных лет её сердце искало ярких красок и пёстрых нарядов, а вместо этого перед глазами всегда маячило серое однообразие. Она же стремилась к разноцветью, неповторимости, полноте, но каждый новый день оказывался близнецом предыдущего, неказисто сереньким и скромненьким, бедным нарядами и скучным событиями. Размеренность и постоянство всё чаще приводили её в уныние, по мере взросления переходящее в депрессию.

Обширные вселенские архивы умалчивают как о самом недуге, так и о его развитии, не сохранив о нём никаких сообщений, ни одной записи, заметки, воспоминания. Достоверно известно лишь то, что раньше всех его заметило Солнце. Оно озаботилось здоровьем дочери и, чтобы получше осветить и обогреть печальное лицо, медленно приобретающее

непривычный чёрно-коричневый оттенок, дополнительно посылало в её сторону целые охапки целительного тепла. Увы, отцовские старания не помогали. Некогда милый лик приятно-серого цвета становился всё темнее и темнее. В деревне заприметили перемены и стали поговаривать о страшной неведомой болезни, поразившей её от пяток и до макушки, некоторые пессимисты даже предрекали скорую кончину. Земля была наслышана об этих настроениях, но не поддавалась им – вела себя, словно ничего не происходило, однако игры и веселье случались уже гораздо реже, в её глазах погас живой огонёк, из души исчез былой задор, пропала лёгкость поступи, движения отяжелели, а однажды, во время танца, она даже споткнулась, налетела на сестрицу Луну, сбила её с ног, они упали, покатились по зелёной траве и столкнулись с хлопотавшим на лужайке Солнцем. Произошедшее так потрясло бедную Землю, что она слегла.

Деревенские знахари храбро сражались со злосчастным недугом, применяя все известные им лекарства, ставя компрессы, банки, готовя настои, возжигая курения, но их старания были напрасными, болезнь смеялась над ними – она методично иссушала больную, бросая её то в жар, то в холод, добираясь до озноба и, временами, сотрясая лихорадкой.

Односельчане от всего сердца желали Земле скорейшего выздоровления, но ухудшающееся состояние заставляло их всерьёз опасаться за расцветающую жизнь. Единственное, что им оставалось – жалеть бедолашную, надеясь на лучшее и тайком вздыхая о юности и несбывшихся надеждах.

К всеобщей радости, недуг постепенно отступил сам. Сначала ушли приступы и спал жар, затем последовал долгий период восстановления – молодое тело не желало сдаваться неизвестной напасти и победило в упорной борьбе.

Никто не знает, как долго продолжалось выздоровление, но доподлинно известно, что Земля однажды встала бодрая и принялась за свои ежедневные обязанности. Её внешность, к огромному удивлению родных, изменилась до неузнаваемости, к тому же, идя на поправку, она тайком от них пошила нарядные одежды и смастерила украшения, пёстрые ленточки, дивные ожерелья из бус и разноцветные браслеты. Родные не интересовались её занятиями и весь процесс создания нового образа пропустили. Когда же, одним прекрасным утром, Земля

представила наряд на всеобщее обозрение, у них от изумления захватило дух. Невиданной красоты одежда сверкала таким многообразием цветов и оттенков, о существовании которых сородичи и не подозревали. Рассматривая удивительное убранство, они щурились от отражённых тканями и украшениями ослепительно ярких солнечных лучей, а она носилась по любимому кругу, непрерывно кружась, будто хотела поразить их ещё больше. К её телу вернулась былая бодрость, лицо пышало свежестью, а в глазах искрился задор. Напоминая о пережитом, из-под ярких одежд кое-где выступали редкие чёрно-коричневые пятна, усиливающие контраст и подчёркивающие мастерство рукодельницы, указывающее на искусство изготовления, создающее восхитительную игру оттенков, несравнимую с блеклой тусклостью серых обитателей бескрайней страны.

Слух о пышном убранстве искусницы вмиг собрал возле неё всю деревню. Невзрачные односельчане поражались удивительной гармонией цвета, очаровывались ровным шагом стежков, слаженностью линий, точно подогнанными краями, аккуратностью сборок и складок – такого мастерства не видел никто и никогда: каждый элемент одежды был на своём месте, каждый изгиб приходился кстати, её не портили даже вынужденные заплатки, придающие наряду особый элемент изысканной случайности. Вдоволь налюбовавшись одеждой, поселяне обратили внимание на саму Землю и нашли её похорошевшей и повзрослевшей. Внешность говорила сама за себя, а о наступившей зрелости свидетельствовали уверенные движения, ровная поступь и спокойный взгляд.

В тот день долго не стихали восхищённые возгласы деревенских жителей и сбежавшихся на шум ближайших соседей:

– Какая дивная красота! Не чудится ли нам? – не веря своим глазам, восклицали они.

– Где ты научилась изготавливать такие изысканные украшения? – полюбопытствовал кто-то из собравшихся, а другие подхватили:

– Мы тоже хотим такие наряды.

– Скажешь нам, кто тебя научил кройке и шитью?

– Поделишься тайнами плетения кружев?

Находились и сомневающиеся:

– Дело действительно невиданное! Возникает законный вопрос. Как необученная швейному искусству юная девушка смогла пошить столь блистательный наряд?

– Почему вы решили, что необученная? Может её обучили, но она, из скромности, не признается, – отвечали за неё односельчане.

– Мы будем вам очень признательны, если вы скажете, кто, где и когда, – не отступали сомневающиеся.

А Земля видела небывалое изумление, слышала восклицания, весело улыбалась в ответ и кружила вокруг родного дома, озорно поглядывая на родителей и завораживая не только соплеменников и гостей, но даже восхищённо смотрящих на неё мать, отца, братьев и сестёр.

Первой пришла в себя Луна. Она подбежала к Земле, схватила за руки, и они заскользили в плавном вальсе, затем к ним присоединились Венера, Марс, Сатурн, Юпитер, Меркурий, и весь семейный хоровод пришёл в своё привычное движение.

Они кружили, потеряв счёт времени, не зная устали, счастливые восстановлением целостности семьи, а обрадованная выздоровлением дочери Вселенная вернула утраченный с её болезнью душевный покой. Жизнь солнечного семейства вошла в привычную колею и потекла в прежнем ритме.

Долго не знали печали жители бескрайней страны, долго наслаждалась установившимся порядком Вселенная. Рассеяны старые тревоги, забыты канувшие в прошлое пасмурные дни, давно сданы в архив и распределены по полкам манускрипты с соответствующими записями, датами, местами, названиями, описанием и действующими лицами. Казалось, уже ничто не может помешать установившемуся благополучию, никто не в силах внести разлад в чёткую размеренную работу Вселенной, но лихо не исчезло, оно терпеливо выжидало, дождалось благоприятного часа, улучило момент и дерзко заявило о своих правах…

Некоторые судачат – дескать, судьба у неё такая, нужно это признать и следовать указаниям необходимости, но их посылки и обоснования очень походят на досужие разглагольствования – слишком пространны, туманны и малоубедительны. Гораздо правдивей выглядят те, кто нежелательные последствия выводят из вполне определённых фактов: одни говорят, что основной причиной следующего недомогания Земли была усталость, другие настаивают на напомнившем о себе злом недуге, третьи утверждают, что болезнь напала из-за излишней мнительности, желания выделиться и надуманном множестве собственных недостатков, вследствие чего у неё появилось настойчивое стремление к бесконечному улучшению своей внешности, но все сходятся с основными симптомами: по истечении некоторого времени Земля погрустнела,

цветущее лицо сильно потемнело, а прекрасные лучистые глаза словно подёрнула сизая дымка.

– Что с тобой, доченька? – спрашивала мать, пытаясь узнать причину и уберечь от хвори.

– Скучно, матушка, – жаловалась Земля, – днём и ночью – всё одно и то же, лишь сестрица Луна да мимолётные гости разнообразят будничную рутину моих дней.

Много тысячелетий спустя выяснилось, что её поразили сразу два вида мировых вредителей – возбудитель нетерпения и жажда перемен. Уставшая противостоять зловредному сообществу, измученная необъяснимыми душевными терзаниями, чувствующая постоянные приступы отторжения, Земля во всеуслышание заявила: «В нашей деревне ничего не меняется! Скукотища! Веками смотрю на одни и те же лица. Веками ношу один и тот же наряд. Примелькался, приелся, надоел до невозможности! Пора менять!», – чем вызвала немалое смущение и удивление односельчан. В те времена об упомянутых вредителях ещё ничего не знали, не могли даже представить силу возжигаемой ими страсти. А Земля, не обращая внимания на реакцию соплеменников, немедленно сбросила прекрасные одежды и принялась их перекраивать и перешивать, примеряя и переделывая бессчётное количество раз. Нередко бывало, только что сшитое и впервые одетое платье ей решительно не нравилось, она в сердцах срывала его с себя и изо всех сил швыряла подальше, гневливо топая ножками и досадно сжимая тоненькие пальчики в кулачки. Весёлость сменилась мрачностью, задор обратился в привередливость, беззаботность превратилась в раздражительность, вскорости ставших причиной участившихся эмоциональных срывов. Что она ни скроит, что ни пошьёт, стоит ей пройти в нём несколько кругов, как её лицо сморщивает болезненная гримаса, а в руке сверкают ножницы – опять не угодила себе модница, осерчала и, уже в который раз, режет, рвёт, кромсает былую красоту, мнёт изящные линии и узоры, комкает тонкосплетённые кружева, разбрасывая во все стороны куски ставшей ненужной ткани. После каждого приступа гнева следуют периоды угнетения, успокоения, восстановления, и весь процесс начинается заново. На столе мастерицы появляются свежие выкройки, в руках сверкает иголка с ниткой, она наскоро смётывает куски материи, набрасывает на себя новый наряд и оценивающе посматривает во вселенское зеркало – к лицу ли фасон, хорошо ли переиначено, не нужно ли чего добавить, отнять, удлинить, укоротить, нет ли где лишних складок, ровно ли лежат стежки, не

топорщится ли ткань, не примята ли, не перекошена, аккуратно ли расправлена?..

Добросердечные односельчане хотят чем-то помочь, отвлечь от затянувшегося поиска лучшего убранства, терпеливо ждут, когда она станет поспокойней, затем подойдут, поговорят о том, о сём и, как бы ненароком, переходят к увещеваниям:

– Утеха душ наших ненаглядная! Счастье наше ясноликое! Почто мучаешь себя непрестанным шитьём? Почто изводишь жизнь цветами мимолётными? Ведь не успеешь оглядеться, как поблекнет яркость твоих нарядов, опять начнёшь рвать своё многострадальное сердце и понапрасну расстраиваться. Вот и глазки твои покраснели, устав от непомерной работы, а исколотые острыми иглами нежные пальчики припухли и, конечно же, нестерпимо болят. Оставь это, отложи на денёк-другой, оно никуда не денется, лучше пойди приляг, отдохни.

Но она их не слушает, лишь поглядывает в зеркало, хмурится, хмыкает и капризно выпячивает губки – она сердится на лишние складки и криво лежащие строчки, раздражается нескладностью форм и нечёткостью линий, жалуется на недостаточную яркость или преобладающую тусклость, огорчается отсутствием нужных расцветок, несовершенством тканей, печалится о своей неопытности, неумении, сетует на нескладность телосложения. Непрерывный поиск собственных изъянов и сопутствующие ему терзания её изматывают, подавляют. Вздыхает мать, покачивает головой отец – они ничем не могут помочь дочери, бесконечно истязающей себя поиском гармонии, казнящей свою плоть выискиванием таинственного неизвестного, изводящей юное сердце постоянным стремлением к совершенству. Она бы и рада остановиться, но мятежная душа ропщет, дерзает, стремится, не зная к чему, наводя грусть на добрых односельчан, заставляя их сострадать её неспокойному, ищущему свой идеал, характеру.

* * *

Мир живёт переменами. Меняется всё и везде. В одном это происходит видимо и заметно, в другом – невидимо и незаметно. Переменам подвержены не только формы, их расположение и размеры, но состояние и свойства самой материи. Миллионы лет тому назад минералы были

намного мягче, пластичнее своего настоящего состояния, а земной покров, ещё не приобретший привычного для нас постоянства, обладал высокой подвижностью, постепенно сгущающейся, твердеющей, застывающей. Поверхность планеты меняла свой вид и внешность, благодаря активности водной, воздушной и огненной стихий, отгрызающих, отрывающих, разделяющих и поглощающих части суши, чтобы растворить их в земной утробе и опять низвергнуть наружу, придав новый облик. Лишь по истечении долгого времени, в медленнотекущих процессах, в бесчисленных метаморфозах, она отвердела и приобрела привычные нам очертания шести континентов, разделённых морями и океанами.

На земле люди жили и до атлантов, первой планету населяла полярная раса, второй – гиперборейская, третьей – лемурийская, и ни одна из них не наследовала место проживания предыдущей, приобретая и обживая собственный дом. Человек четвёртой, атлантической, эпохи начал свой путь на огромном материке, располагавшемся между современной Европой и обеими Америками, а закончил на относительно небольшом острове, давшем имя целой эпохе, огромному периоду времени в жизни человеческого существа, возможно, самому значительному периоду в его существовании. Сегодня об этом острове ничего не напоминает – там, где некогда была суша, царствуют заселённые морскими обитателями воды Тихого океана.

Площадь Атлантического материка не уступала нынешней Европе, а своей формой он отдалённо напоминал американские континенты. Нынешних полюсов холода и ледяных шапок тогда не существовало. В самом начале атлантического периода планету окутывала плотная пелена густого пара, позволяющая несущим тепло солнечным лучам согревать все стороны земли более равномерно, вследствие чего создавались идеальные условия для растений. Землю в те часы покрывали многочисленные болота и непроходимые заросли вечнозелёных гигантских деревьев, кустарников и трав, с толстенными стеблями и огромной мясистой листвой. Отдаляясь от экватора, растительность незначительно уменьшалась в размерах, теряла разнообразие, насыщенность и густоту. Животные также приноравливались к выбранному климату, одеваясь в совершенно гладкую кожу или – гораздо реже, в поздние периоды – в тоненькие изящные шубки. В плотно застилающих небо тучах, едва пропускающих скудные крохи солнечного света, скапливалась влага

земных испарений. Исходящее от Земли тепло задерживалось в воздухе и порождало густые туманы – атмосфера была намного плотнее, гуще и насыщенней, чем в послеатлантический период. Быстрорастущие растения окрашивались в мягкие, сдержанные, блеклые краски – сказывалось отсутствие прямых солнечных лучей. Климат менялся медленно. Избавляющийся от обилия воды воздух становился легче, суше, прозрачней, а солнечное пятно – заметней. Вытесняемый из воздуха, выделяющийся из грунта избыток влаги уходил, внизу – в реки, озёра, моря, океаны, вверху – собирался в тучи. Непрерывные природные процессы преображали землю, растительность, животных и воздействовали на человека.

Первозданное состояние земли не баловало раннего атланта ни комфортными условиями проживания, ни лёгкостью приобретения пищи – всё, что у него было, добывалось тяжёлым, изнурительным трудом. Чтобы выжить, он должен был пребывать в постоянном движении – в основном, занимаясь сбором плодов растений и хозяйственно-общинными работами. Древнейший человек не питался мясом и не охотился на животных, впервые мясную пищу он употребил не раньше середины атлантической эпохи.

Переход от простого использования предметов, предоставляемых естественной природной средой, к их ручной обработке и приспособлению для своих нужд, был очень долгим, крайне трудным и самым важным из всех, протекающих в человеческом существе изменений, тесно связанных с этим значительным событием. Ради постижения деятельности, несвойственной его изначальной природе, ему пришлось отказаться от прежней жизни и, приложив неимоверные усилия, возвыситься над своей животной сущностью. Этот процесс растянулся на десятки поколений и не обошёлся без помощи, как говорят предания, мудрых терпеливых учителей, необходимых в любом новом деле.

Чтобы попытаться представить сложности, с какими столкнулись атланты, преодолевающие ступеньку за ступенькой, восходя от элементарного использования к разумному изготовлению, бросим беглый взгляд на обитателей современного животного мира. Мы увидим, что ни одно из известных нам развитых существ не может обойтись без наставника, будь это птица или млекопитающее. У животных процесс адаптации, вхождения в мир, построен посредством самовоспитания: старшие, то есть родители, обучают младших – детей, передавая им

сведения, полученные ими тем же способом. Опираясь на ранее приобретённые знания, родители учат детей различать друзей и врагов, искать пищу, устраивать жилища, разбираться в языке знаков, значении звуков и, таким образом, нарабатывать необходимый комплекс передаваемых по наследству навыков. У социально устроенных животных обучение продолжается и после расставания с родителями, учителями выступают их старшие сородичи. «Сказанное верно. Но как объяснить получение знания начинателями рода?» – резонно спросите вы и, с одной стороны, будете правы, с другой же – не должно вызывать сомнений, что настоящему состоянию любого высокоразвитого существа предшествовал ряд форм, несхожих с нынешней, и долгий поступательный процесс. Это подтверждено научными исследованиями, которые говорят о непрерывной цепочке развития жизни, венцом которой является осознанная мыслительная деятельность. Таким образом, мы с необходимостью приходим к выводу, что чем выше развитие особи, тем длиннее её история. Известно, что на земле лишь человек обладает способностью принимать осознанные решения, именно по этой причине, служащей предпосылкой остальным его качествам, возносящим над всем животным миром, мы и признаём людей наиболее развитыми существами на земле. К сожалению, у нас отсутствуют достоверные, подтверждённые факты, касающиеся истории тех или иных существ, но, если суммировать рассмотренное, строго придерживаясь сути и смысла научных исследований, учитывая построенные на их основе теории развития, становится очевидным, что наидревнейшим существом на планете Земля и, соответственно, обладателем богатейшей истории вида, является человек. Никто иной, исходя как из научных, так и религиозных воззрений, не может претендовать на звание первопроходца земли.

Животный мир подчиняется одному, общему для всех закону, по которому изолированный в яйце, утробе матери, зародыш любого существа проходит весь путь развития своего вида, в преддверии рождения приобретает сформированные, способные к росту зачатки необходимых ему органов, и лишь тогда выпускается в земную среду обитания. У человека этот путь наибольший, а рождаемый плод – самый совершенный, но, вместе с тем, наименее подготовленный к самостоятельной жизни. Если мы последуем от человека вниз, к насекомым и рептилиям, без труда убедимся: чем ниже развитие существа, тем лучше подготовлено к жизни его потомство.

В доатлантический период наша планета представляла собой сочетание воды и сплошного болотистого месива, доступных для жизни рыбам и земноводным. Земля также прошла череду изменяющихся состояний, от полного смешения составляющих её элементов, до их разделения на три части – газообразную, жидкую и твёрдую. Земная жизнь зародилась в воде, развилась в тепличной атмосфере болот, после чего вышла на сушу и воспарила в воздушном пространстве.

Меняется среда, меняются её обитатели. Некоторые вещи, кажущиеся нам привычными, банальными, не стоящими затрат времени на обсуждение, обретут новый окрас, если посмотреть на них с иной точки зрения. Чтобы стать высокоразвитыми, существа – в первую очередь – должны обзавестись соответствующими физическими органами. Самовоспитание животных становится возможным с приобретением ими целого ряда обязательных качеств нервной системы, способной передавать, воспринимать, анализировать и запоминать сообщения, работающей в тесной взаимосвязи с полноценно развитыми органами внешнего восприятия и управляющими ими внутренними центрами. Природа нам свидетельствует, что характер формирования, вырабатывания данных способностей, может быть исключительно массовым, и никак не единичным, тем более, случайным образованием – зародиться и развиться от одной особи – чем ниже развитие животного, тем многочисленней у него потомство, выходящее в мир полностью приспособленным к жизни существом. Необходимо учитывать – до того, как свойство проявляется внешне, оно проходит длительный период внутреннего зачатка, формирования, созревания, открываясь внешне готовым к использованию органом – развитие идёт в одном направлении, изнутри – наружу, поэтому, когда что-либо проявляется вовне, это значит завершение долгого пути и участие множества поколений.

Всесторонняя оценка способностей живого существа невозможна без определения степени развития его сознания. Главное отличие человека от животного, если упустить особенности строения тел, заключается в силе, управляющей их действиями – у них она выражена, преимущественно, в последовательности инстинктивных движений. Несмотря на сложную систему взаимосвязей, приобретаемые навыки и разум, руководящий ими принцип несравним с работающим в человеке сознанием – только он совершает поступки. Высокоразвитые животные

передают по наследству знания, имеющие непосредственное отношение к обустройству и выживанию, правилам поведения в сообществе и вне сообщества, нередко удивляют нас находчивостью и сообразительностью, выражают свойственные нам эмоции, но им неведомы понятия этики, морали, нравственности, неизвестно искусство – чтобы они появились, в их существе должен возникнуть орган, без которого приравнивать их к человеку просто некорректно. Следовательно, мы приходим к заключению, что разум человека и разум животного в настоящее время разделены пропастью, непреодолимой одним воспитанием. Для сближения с человеком животному необходимо обрести более совершенное сознание, которое приходит не снаружи – внутрь, при помощи дрессировки, но идёт изнутри – наружу. В развитии мышления сначала образовывается внутренний инструмент, а потом изыскивается почва для его деятельности во внешнем мире. Лишь при наличии такого инструмента появляется способность накопления опыта, дающего знания конкретной особи, что, впрочем, передаётся другим лишь посредством обучения и никак не влияет на его сознание.

Ритм жизни, повадки ранних атлантов во многом были подобны нынешним стадным высокоорганизованным животным. Что же произошло? Каким способом человек пришёл к сознанию? Выше утверждалось, что воспитанием пропасть не преодолеть. Это действительно так, чтобы её осилить, требуется особый инструмент – с некоторых пор человек стал им обладать, а получил он его гораздо раньше описываемого времени.

Грудной ребёнок очень мал, ничего не знает, не может, не умеет, но он вырастает и становится тем, кого мы называем человеком. Вначале это было лишь похожее на него существо, которое со временем явило свою истинную сущность – как распускается бутон цветка, так от одного возрастного периода к другому разворачивается существо человека и, как цветок раскрывает свою красоту, так взрослый человек показывает себя, кто он есть на самом деле. В атлантический период произошёл грандиозный прорыв: человек от бессознательности шагнул к сознанию. Невозможно представить, какие усилия были затрачены на переход от простого использования к изготовлению, сегодня это выглядит естественно, кажется довольно лёгким, само собой разумеющимся. Это не так! Рассмотренная выше эстафета самовоспитания животных

принципиально отличается от обретающего сознание человека. Атлант не умел владеть своим инструментом сознания, не имел ни опыта, ни понятия о том, что и как следует делать. Он даже не знал, чем владеет! Итак, нет знания о том, что имеешь разумное начало, нет представления, как его применять, нет навыков использования, нет понимания, каким образом к нему подойти. С другой стороны, есть выработанный тысячелетиями опыт, есть сноровка и привычки, есть устоявшийся ритм жизни, есть наработанная процедура передачи накопленных знаний. Последние нужно преодолеть – ради первой. Кому это нужно? Кто установил такую задачу? Неужели живущие инстинктами, подобно стадным животным, люди?? Природные инстинкты действуют в противоположную сторону – всегда направляют к знакомому и отвращают от неизвестного. Разве обосновано утверждение, что к рассудку человек пришёл совершенно случайно, ненароком, методом бессознательного тыка? Конечно же, нет! Ведь рассудок – сложнейшее приспособление, появление которого никаким образом не может быть вызвано тем, у кого оно возникло – как и любой иной, зачатый и развившийся внутриутробно орган, оно либо есть, либо его нет. Так что же могло заставить атланта проигнорировать своё и устремиться к чужому? Ни что иное, как волевое движение и понимание необходимости – вкупе со знающими наставниками. Для совершения сознательных действий недостаточно начальных элементов разума, нужны навыки владения анализом и обязательно присутствие воли, которой не обладает ни одно животное. Мимолётного, беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться: камни не порождают! Об этом нам говорит сама природа – она устроена далеко не примитивно! Она утверждает: мир подчиняется законам, и факт, что без специальной подготовки и сведущих наставников не обходятся даже животные, указывает на установленные отнюдь не ими последовательность и порядок передачи знаний.

* * *

Туловище, конечности, голова с приспособлениями для слышания и видения, имелись у человека и в далёкие туманные времена, только несколько иной формы. Удивительными существами были атланты – четырёхметровые гиганты, наделённые невероятной силой, столь нужной им для тяжёлой работы, с массивными руками, мощным туловищем и

крепкими ногами. Лицо древнего пращура мыслящего существа никак нельзя назвать приятным, привлекательным и, тем более, красивым: его тяжёлые надбровные кости нависают над глазными впадинами, в которых прячутся довольно глубоко посаженные маленькие бусинки глаз, привычного лба нет, от бровей идёт резкий скос назад, подвижные уши сдвинуты к затылочной части, а череп имеет несколько вытянутую спереди назад форму. Мужчины отличаются от женщин большим ростом и физической силой, их лица практически одинаково грубы, незначительные различия начинают намечаться после середины атлантического периода, и лишь ближе к его концу приобретают явные признаки пола. Атланты разделены на племена, народы и расы, имеющие разный цвет кожи, от светлой, почти белой, до тёмной, практически чёрной.

Строение тела накладывает отпечаток не только на внутренние свойства – он влияет на весь уклад жизни и распространяется дальше, на способы добывания пищи, устройства жилищ, средства общения, звуки и жесты – так думают неосведомлённые атланты. Сведущие в действительных взаимосвязях смотрят на это с совершенно противоположной точки зрения. Они говорят: «Как раз наоборот! Процессы движутся изнутри–наружу, скрытое внутреннее формирует видимое внешнее.» Живущий в первозданном мире атлант был истинным дитём природы, чувствительным к всем проявлениям своей родительницы, отзывающимся на подаваемые ему сообщения, умеющим их понимать, расшифровывать, воспринимать как личные, направленные исключительно ему, послания, имеющие целью донести необходимые сведения. Он ещё не владел разумом, но обладал не менее ценной его заменой – свойством видеть скрытые природные силы и питающих их существ.

Легенда, истоки которой теряются в глубине веков, гласит, что атлант повсеместно использовал свои душевные свойства, это было для него так же естественно, как управлять физическим телом. Когда он смотрел на сородичей, их душевные силы представали перед ним в виде лёгкого разноцветного лучистого облака, со всех сторон проникающего и окутывающего человека. Он читал эти цвета, различал формы и сообразовывал свои дальнейшие действия с полученной информацией – от агрессивного убегал, к дружелюбному тянулся. Благодаря органам души он чувствовал ритмы живой природы и слышал голоса растений. В те сумрачные времена атлант воспринимал природу как совместную деятельность живых существ, в том числе тех, что

невидимы и неслышимы органами физического тела, но созерцаемы душевной организацией*. Со временем эта способность была утеряна. Человек перестал слышать голоса и видеть силы природы – вместо неё он приобрёл мышление. Так произошёл обмен внутреннего душевного на внешнее физическое. С тех пор данная способность стала доступной только отдельным личностям, возвещающим остальным истины, скрытые от них за густым покровом материи.

С помощью сознания атлант учился постигать мир разумом – осмысливать. Он совершал уже не инстинктивные движения, как ранее, но осознанные. Процесс учения долгий и трудный. Человек, поднимающийся на качественно иную, стоящую за гранью его представления, ступень мировосприятия, требует объяснения неизвестного, а значит, возникает необходимость в наставнике. Как поводырь помогает незрячему обойти препятствия, так учитель ведёт ученика, понимая трудности и зная способы их преодоления. Такие люди, значительно превосходившие способностями остальных, жили во многих племенах. Как правило, они были старейшинами (в прадавние времена жрецов ещё не было). Обладая развитыми душевными органами, старейшины входили в связь с существами невидимых обычным зрением миров, получали от них наставления и, сообразуясь с указаниями, обучали людей искусству мышления. Первые учителя человечества совершали путешествия в данные миры и черпали из них сведения так часто, как в этом возникала необходимость.

Люди, умеющие получать и толковать сообщения, жили во все часы. Особенно необходима и действенна была их помощь и руководство во время вхождения в человека элемента сознания, вносящего в его жизнь порядки, в корне меняющие прочно установившиеся привычки. Появление первых признаков мышления стало исключительно важной вехой для всего последующего бытия человека. Разум с большим трудом входил в существо, ведомое инстинктами, полагающееся на душевные чувства. Как сквозь плотную пелену тумана, пробивалось сознание к заветной цели – осмысленному руководству своими действиями. Атланту было гораздо легче выполнить массу привычной, знакомой физической работы, чем мыслить, постигая вещи, кажущиеся их дальним потомкам (нашим современникам) такими простыми.

---

* Рудольф Штайнер. «Воздействие духовных существ в человеке.»

Вместе с тем, он значительно превосходил их (то есть, нас) тесной связью с миром скрытых природных сил, отобранной взамен приобретённого мышления.

Потомки древнейших атлантов бережно относились к знаниям о своих предках. Случаи из жизни отдельного человека, народа, мировые события, облекали в понятные образы, запоминали и передавали в устной форме, в виде сказаний, преданий, былин. Ответственную обязанность из поколения в поколение поручали вначале одному из старейшин, а затем, с появлением святилищ и храмов, ввели должность осведомлённого жреца, хранителя преданий. Так и переходили они от хранителя к хранителю, следуя за народом и попутно обрастая всё новыми и новыми сведениями о его жизни. Согласно преданиям, атлант рассматривал человека совершенно особым образом – он был уверен, что основная роль в управлении собственным существом принадлежит невидимым глазу скрытым органам, и представлял их в виде живых существ. Он говорил, что одно существо управляет физическим телом, другое – эмоциями, желаниями, чувствами, а над ними восседает высшая сущность, в более позднее время отождествлённая с разумом. Видимое физическое тело они расценивали только как инструмент, покорного исполнителя приказов указанных существ – прежде всего, высшей сущности. Эти знания, изначально бывшие достоянием всего народа, в дальнейшем стали для него тайной, известной узкому кругу избранных, так называемых осведомлённых.

С созреванием сознания внешний вид и внутреннее существо человека изменялись. С детства и до взросления ранний атлант обладал удивительными, в высшей степени необычными свойствами, сохранявшимися довольно долго. Эти свойства проявлялись в использовании особой творческой силы, способной самостоятельно формировать свой внешний облик, руководствуясь собственными устремлениями, желаниями, интересами, приоритетами. Он мог равномерно выращивать всё тело сразу или отдавать предпочтение определённой её части, например, рукам или ногам – в первую очередь, это зависело от уклада его жизни, выполняемой работы и наклонностей. Если атлант стремился к знаниям, был любознательным, пытливым, он вырастал меньшим, а его физические силы отставали от сверстников. Причина отставания заключалась в том, что он, обращая всё своё внимание на духовный мир, вырастал внутренне, направлял силы роста на укрепление души. Повзрослев, такой человек нередко становился старейшиной либо жрецом. Атланты много работали сами и с раннего возраста приучали

к труду своих детей. Их мало заботили вещи, выходящие за пределы ежедневных забот – повинуясь долгу, они выращивали своё тело до огромных размеров и попутно наполнялись колоссальной физической силой. Если человек с юных лет занимался однообразным трудом, он мог вырастить большей одну, нужную ему, часть тела, и притормозить другую, не участвующую в процессе – организм формировался под определённые цели. Поэтому в древности встречались асимметрично сложенные люди, с конечностями разной длины и толщины, а устремлённое к удовольствиям несовершенство человеческой природы, подпитанное вышеупомянутыми силами, приобретало видимые формы. Соплеменник знал, что причина такого телосложения скрывается не в природном дефекте, но в вылившейся вовне неуравновешенности, неупорядоченности душевной природы. Одолеваемый страстями, такой атлант направлял силу роста в части своего организма, связанные с исполнениями желаний, выращивая их неестественно большими. Результат был на лицо – деятельность внутренних сил сказывалась на теле, представлявшем собой наглядную картину душевных изъянов своего хозяина.

В описываемую эпоху первых поселенцев атланты составляли представления о человеке, полагаясь как на внешние органы, так и на внутренние силы, и получали сведения, полностью соответствующие действительности. Позже способности этой внутренней оценки заменило мышление, но в ранние времена личность была более самостоятельной и свободной в отношении своего организма. Это относилось не только к моральному созреванию, как сейчас, но и к построению физического тела. Причины таких способностей заключались в низкой зависимости от закона наследственности – сильный духовный орган, по самостоятельно сформулированному основанию, формировал пластичное физическое тело, несравненно более податливое к изменениям, чем сейчас. Данная способность формирования была отнята – примерно с середины атлантического периода её сменил действующий по настоящее время закон наследования родительских характеристик*. Сегодня подобным образом человек влияет лишь на свои душевные свойства – полнота его власти распространяется на мышление, память, моральные качества, эмоциональность, волю – в работе над ними у него нет ни пределов, ни ограничений.

* Исследования Рудольфа Штайнера.

В древней Атлантиде случалось, что у родителей-гигантов, ростом больше четырёх метров, ребёнок вырастал малышом, едва превышающим половину их высоты. Свои творческие силы, соответствующие природным силам роста, он направлял на приобретение знаний и воспитание моральных качеств – основное внимание уделял собственному духовному существу. Усилия, потраченные родителями на рост их физических тел, на высоту и силу, он устремлял на духовное начало, невидимое глазу, но проявляющееся в жизненных делах, видел и постигал скрытую в нём мудрость. Древний человек, ещё не распрощавшийся с остатками природных инстинктов, но уже владеющий зачатками разума, ещё мог управлять этой силой.

Говоря, что у маленьких людей большое сердце, атлант связывал созидающую силу духа с органом сердца – он помещал её в то же место и объединял деятельность физического органа с духовным. Такие дети были самыми желанными у родителей-гигантов, они знали – тот, у кого огромное тело, имеет слабую душу, и наоборот, небольшой, по сравнению с ними, человек, владеет сильной душой, намного крепче, чем у них. Такой ребёнок в будущем мог стать одним из старейшин племени или даже жрецом, что было высшей честью для атланта. Старейшинами выбирали опытных и мудрых соплеменников, заслуживших признание и подтвердивших свои знания и способности. Путь к жреческому сану был намного сложнее. Жрецы должны были овладеть тайными силами и знаниями, поэтому их отбирали с детского возраста, примечая заложенные в них дарования.

Атланты времён первых поселенцев были высокими, крепко сложенными людьми, наделёнными огромной физической силой, а управляли ими маленькие сородичи – пластичное тело и законы тех времён позволяли им отнимать силы роста у видимого глазу организма и направлять на невидимую душу. Если встречались два атланта, и один из них был большим, а другой маленьким, первый относился к второму с почтением и послушанием. Так в канувшие в вечность древнейшие времена складывались отношения, ещё не знакомые с сословиями, ещё не сформулировавшие законы привилегий, ещё не освятившие потомственную передачу прав на занимаемое родителями положение.

Часть 1. Беззаботное детство

Глава I

Среди дремучих лесов и просторных полей восточной части материка, на берегу реки, берущей своё начало в родниках высокогорья, раскинулся древний Мдарахар. Первые поселенцы забрели в эти дикие, неприветливые места десятки веков тому назад, на заре становления народа. Тогда люди ещё не умели строить дома, но уже научились использовать природные средства, сплетая шатры* из гибких широколистых деревьев. Пращуры мдарахарцев мастерски плели свои жилища, и делали это настолько хорошо, что сквозь густые листья зелёных кружев внутрь не проникала ни одна капля дождя. Это было не так просто, найти на поляне или опушке леса рощицу подходящих деревьев и соединить их таким образом, чтобы ветви росли, сохраняя нужную форму, а дом оставался пригодным для жилья и защищал от обильных осадков.

Искусство плетения покорялось лишь тем, кто развивал чувство соответствия, в далёком будущем известное как гармония – требовалось не только умело сплетать ветви, но и предвидеть конечный результат своей работы. И в мастерстве плетения, и в чувстве соответствия мужчины безнадёжно уступали женщинам – последних по праву можно назвать первыми строителями человечества, созидателями зелёных домов.

Поиск места жительства всегда был задачей не из лёгких. В древности он усложнялся необходимостью присутствия всех, без исключения, жизненно важных условий – в те часы человек полностью зависел от природы, в том числе, от наличия деревьев, пригодных для создания естественного крова.

Неизвестно, как долго путешествовали первые поселенцы прежде, чем основать Мдарахар, но их выбор оказался удачным. Странники определились с местом и принялись за обустройство территории. Мужчины выкорчевали все деревья, кроме плодовых и оставленных для

---

* Рудольф Штайнер. «Из Акаша-хроники.»

устройства жилищ, женщины очистили местность от травы и принялись превращать беспорядочно растущие дикие растения в шаровидные шатры. Закончив обустройство, мдарахарцы натаскали свежих листьев, трав, выстлали из них постели и легли спать, но на этом их обязанности по благоустройству не закончились, быстро зарастающая территория деревни и живые дома требовали постоянного ухода – деятельная среда задавала свой, привычный человеку тех времён, жизненный ритм.

Если бы кто-то из далёких потомков первых поселенцев задумал совершить экскурс в Мдарахар периода плетения шатров, он бы восхитится его естественным, неотделимым от природы первозданным великолепием! На просторной лужайке, в доброй сотне шагов друг от друга, столи первобытные дома – копны тёмно-зелёных листьев, издали напоминающие огромные растительные полушария или разбросанные исполинской рукой половинки ульев диких пчёл. С приходом весны шатры становились гигантскими соцветиями, благоухающими насыщенными ароматами – в сезон цветения вся лужайка превращалась в большую клумбу, приобретая вид цветастого букета, а снующие по ней в эту пору люди ставали похожими на пчёл, перелетающих с одного цветка на другой в поисках нектара.

В те часы между природой и людьми существовала теснейшая связь, сродни корню и стеблю, где люди были стеблем, вырастающим из природного корня. Их действия уже были осознанными и разумными, но в каждодневной жизни ещё преобладали инстинкты, а основными средствами коммуникации оставались звуки и жесты. Люди только начинали знакомиться с инструментом сознания и крайне нуждались в усовершенствовании старых и приобретении новых способов общения. В Мдарахаре как раз подходит время одного из таких занятий, призванных привить понимание соотношения звука и порядка, ввести звук в определённые рамки, выработать произношение – приучить к членораздельности. Ключевую роль в обучении человека начальным навыкам речи, столь необходимым для дальнейшего роста мышления, занимает женщина-водительница. На склоне дня, ближе к вечеру, она зовёт соплеменников к стоящему рядом с деревней разлогому дереву. Мдарахарцы приходят и рассаживаются в указанном месте. Водительница садится лицом к ним и начинает с протяжным напевом произносить звуки, ритмично, в такт звуков, двигая телом, а соплеменники

повторяют за ней движения и напевы*. Облекая ритмику звука в жесты тела, она прививает им зачатки понятий об их взаимосвязи и соотношении, объясняет, как следует воспринимать услышанное. Так люди учатся речи – произнося звуки, они имитируют природу, а с помощью ритма в их сознание входит понимание смысла издаваемых звуков, в дальнейшем ставших словами. Эти упражнения жизненно необходимы человеку, постигающему чувственный мир – они служат переводчиками и примирителями между внешним и внутренним. Каждое движение, каждый звук обладает ярко выраженным понятным слушателям смыслом и несёт гармонирующий с природой эмоциональный окрас. В течение всего атлантического периода слова заключали в себе живое знание о предмете, повторяли его смысл, были его неотъемлемой частью, затем произошёл разрыв, слово обособилось, потеряло связь с вещественностью, обездвижилось и замерло. Процесс разделения растянулся на долгие тысячелетия, сейчас уже не найти истоков первых слов, но некоторое бледное представление о потерянной силе можно получить, если сравнить современную речь с бывшей в обиходе три, четыре, пять и более столетий назад – нынешние слова, в сравнении с ними, ощущаются застывшими, обездвиженными, обезвоженными, сухими, как сено. Сейчас мдарахарцы учатся произносить свои первые осмысленные слоги – сидят под деревом, наблюдают движения, слушают и повторяют напевы женщины-водительницы. Когда они научатся говорить, надобность в упражнениях отпадёт, но ритуал не исчезнет – он преобразуется, перейдёт в религиозную область, поменяет прежнее познание на идущее за ним преклонение.

Мдарахар прошёл все этапы развития атлантического общества, в течение которых его медленно, незаметно, но постоянно и непрерывно, начиная с древнейших времён, изменяли усердные жители. Муравей трудится с утра и до вечера, каждый день по многу раз он ходит за нужным для муравейника материалом и всегда что-то приносит; если работает самостоятельно, несёт соломинку, песчинку или щепку, если сообща с другими, подстраивается под них и выполняет свою часть общего дела. Результат многолетних трудов муравьиного сообщества вырастает в виде гигантского, в сравнении с их размерами, холма, и это – только внешнее свидетельство проделанной работы. Так и человек, незаметно

---

* Рудольф Штайнер. «Из Акаша-хроники.»

обрабатывая окрестные территории, камень за камнем, шаг за шагом, год за годом, строит всё более прочные и удобные дома, облагораживает и благоустраивает место своего обитания, изменяет окружающую его природу. Тысячи лет прошли прежде, чем атланты научились строить надёжные жилища, заменив ими привычные живорастущие. Количество приспособленных к использованию в быту изделий увеличивалось, необработанных – уменьшалось. Приручая животных, возделывая поля, производя простейшие предметы домашнего обихода, люди отдалялись от состояния изначальной дикости и приближались к привычно-человеческому – прежде всего, к сознательной деятельности, к руководству посредством разумного начала.

Когда в древнем Мдарахаре перешли от плетёных жилищ к постройкам из дерева и камня, вся деревня стала обширным двором, а община – одной семьёй, возглавляемой самым старым из старейшин – патриархом. Улучшались достаток и условия жизни, увеличивалось население, семьи разрастались и обзаводились собственным кровом, но, оставаясь членами рода, продолжали нести общинные обязанности – обрабатывать поля, ходить за стадами животных, чинить постройки, исполнять множество других работ. В непрерывной череде событий проходили годы, одно поколение сменялось другим, в свою очередь, уступающем третьему, за ним следовали четвёртое, пятое, шестое... Менялись люди, менялся уклад их жизни. Родовой двор дробился и уменьшался, общее количество хозяйств росло, деревня расширялась и приобретала привычные нам черты.

* * *

Если бы первым поселенцам посчастливилось заглянуть в далёкое будущее и увидеть места, где они когда-то сплетали свои живые дома, они б их не узнали. Преобразилось селение, изменились окрестности, под натиском человека отступили близлежащие леса, освободив пространство для полей и пастбищ, прежними остались лишь расплывчатые очертания сереющих вдали гор, даже река – и та, устав от надоевших берегов, сменила русло, но больше всех изменился сам Мдарахар, оделся в невиданный наряд, раздался вширь, вырос ввысь. А если бы они обрели способность летать и взмыли на высоту птичьего полёта, с удивлением бы увидели, что деревня приобрела форму квадрата, в

центре которого, на естественном природном холме, посреди цветущего сада с растущими там цветами и хорошо знакомыми им широколистыми деревьями. возвышается странная гора правильной четырёхугольной формы. Это – пирамида святилища. Атлант верит в духовное начало, управляющее движением мира и человека, поэтому храм, олицетворяющий собой стоящую во главе мироздания Божью силу, построен в центре селения. Снаружи тёмно-серая каменная громадина ничем не украшена, но внутри её стены расписаны сценами из истории народа и мира, изображениями Божьих посланников. Когда атлант пристально смотрит на них, в его воображении возникают подвижные образы легендарного прошлого, создающие действительное ощущение происходящего, где он – их живой участник. Так проявляет себя идущая из далёких вековых глубин не охватываемая обычным человеческим чувством и памятью непрерывная связь предков с потомками. Чтобы её ощутить, мдарахарцы приходят в храм и рассматривают запечатлённые там картины. Стремление встретиться с прошлым своего народа притягивает скрытую в образах силу, та оживает и воздействует на душу смотрящего. Для стороннего наблюдателя ничего не меняется, он видит стоящего перед настенным рисунком человека, да и только, но душа мдарахарца совершает незабываемое путешествие в прошлое – незримый поводырь овладевает ею и увлекает в страну народной памяти. Там стремящийся к познанию созерцает историю своего народа – жизнь, прожитую предками, вместе с ними борется с трудностями, делит радости, терпит невзгоды. В нём они отображаются такими же, какими были запечатлены в сердцах далёких пращуров. Он проникает во времена предшественников, вбирает жившее в их душах счастье, наполняется давящей на них грустью, и в его сердце, в виде прекрасного цветка, вырастает образ, возвещающий о преемственности поколений. Образ питает и укрепляет потомка собственной силой, которую замечает и многократно усиливает хозяин храма: «Да будет тебе по твоим мыслям», – говорит возникающий в самом конце захватывающего путешествия огромный, как гора, древний старец. Возвращаясь домой, атлант знает, что видел и слышал Бога, а значит, не предан забвению, не лишён могущественной поддержки, не оставлен в одиночестве посреди бескрайней природы. Его ноги твёрдо ступают по земле, его сердце наполнено уверенностью, тело – волей, а душа осознаёт неразрывность своей

судьбы, единой с пращурами и потомками, идущей из седой древности и продлевающейся вперёд, в далёкое неизвестное будущее.

Каждое поколение Мдарахара оставляло на стенах храма памятные изображения, вначале расписывая красками, позже – вырезая в камне. С помощью изображений пращуры передавали потомкам свои знания, но не все из них предназначались для всеобщего доступа. Вход в комнату осведомлённых закрыт для большинства жителей Мдарахара не только по причине проводимых там тайных обрядов, но и потому, что её стены расписаны картинами, повествующими об основных событиях времён начала мироздания, в том числе, ключевых моментах сражений небесных воинов с предводителем драконов, рождении человека, и запечатлевают важнейшие наставления, включая пророчества будущего. В составе красок и в особом неприметном знаке хранится глубокая тайна – они пронизаны силами, дающими ключ и способность открыть заложенные в них знания сердцу, ищущему ответы. Любой мдарахарец, внимательно и благоговейно рассматривающий росписи главного зала храма, получает доступ ко всему, что связано с его предками, вплоть до общего божественного прародителя, но не всякому открываются письмена, ведущие к истокам бытия, только осведомлённые знают, как правильно подойти к сокровенным знаниям. Божьи посланники научили пращуров извлекать указанные силы и пронизывать ими картины – они служат мостом, устанавливающим связь смысла, заложенного в основание изображения, с внутренним миром созерцающего. На храмовом камне запечатлены вехи истории мира, передана полученная свыше мудрость, раскрыты многие соблазны, записаны послания, воззвания, предостережения. Руководствуясь указаниями, жрецы Мдарахара воспитывают в соотечественниках благоговение к Богу, благодарность к силам природы, почитание предшественников, послушание старейшинам, но сами таких посланий передать не могут. Чтобы предотвратить использование красок в злых целях, предусмотрительные предки утаили их состав, искусство написания, даже название действующих в них сил, поэтому последующим поколениям пришлось самостоятельно искать способы создания ощущения реалистичности изображений. Они нашли его, овладев резьбой по камню.

Стены храма свидетельствуют о богатом событиями прошлом, рассказывают о трудностях, препятствиях и средствах их преодоления. Рассматривающий картины поверхностно не найдёт в них ничего,

кроме подтверждения услышанного от старших, но в росписях таятся знания, дающие понимание вещей, которым не учат. Внимательный атлант знакомится с наглядными иллюстрациями и приходит к неожиданному, но важному для себя выводу: какое бы ни было число идущих вперёд, путь им пробивают немногие – именно они указывают направление и ведут за собой остальных, массово бредущих за первопроходцами. Если он это осознает, в его душе словно вспыхивает свет, распахивается занавес и возникает учитель или указывающий путь, изображённый на картине вдвое большим других, вырастает до исполинских размеров и указывает перстом созерцающему на расстилающуюся, уходящую в неизвестность тропу, после появления которой облик учителя становится светящимся, как факел – знак, что направление выбрано верно.

Неумолимое течение времени с лёгкостью скрывает воспоминание о человеке, но его дела, отображённые на стенах и записанные в памяти народа, хранятся существенно дольше. Они откликаются на призыв, наполняются первозданной силой, оживают в сердцах вопрошающих и открывают им страницы истории, повествующие об учителях, разговаривающих с Богом и передающих высочайшую волю народу. Такие учителя были старейшинами племён, а позже, когда сведения об их жизни истёрлись из памяти далёких потомков, оставив лишь ярчайшие, существеннейшие дела и поступки. О них сложили предания и назвали Божьими посланниками. В Мдарахаре почитают своего посланника, Науршуна. На посвящённой ему части южной стены изображены все его важнейшие заслуги перед народом, в честь своего учителя называющим себя науршами.

С трёх сторон храм окружён постройками, с четвёртой, восточной, к нему подходит прямая дорога, своей шириной и открытостью обозначающая свободный доступ к Богу. Это Главная дорога, ровная и благоустроенная, она берёт начало от храма, проходит по территории храмовой рощи, идёт по деревне, перешагивает её границу и превращается в обычную тропку, вьющуюся среди высоких густых трав. Из деревни выходят ещё три дороги, на Запад, Юг и Север, но восточная – основная, только она подходит к дверям храма, к ней особое отношение – как к символу восхождения к Богу. Постройки вдоль южной стороны храма предназначены для жрецов и хранения утвари, с западной и северной сторон находятся примыкающие друг к другу и к храмовой роще дома жрецов и старейшин. На западной стороне храмовой рощи, сразу

за участками жрецов и старейшин, обустроено место для проведения общих собраний. Оно выглядит так, будто сама природа предусмотрительно позаботилась о мдарахарцах, избавив их от тяжёлых работ. От пирамиды склон круто скатывается вниз, образуя ложбину, затем вздымается на пологую возвышенность, незначительно ниже своей соседки, и опускается прямо в реку. На общих собраниях мдарахарцы размещаются на пологом холме напротив старейшин, восседающих на скамье из массивного ствола дуба, установленной в специально устроенной нише на крутом склоне со стороны храма.

Мдарахарцы живут в домах на просторных участках, расположенных вокруг пирамиды святилища в форме трёх разорванных рекой колец. Деревня разрастается посредством добавления новых колец – если кольцо замыкается, от него отмеряют расстояние в ширину улицы и начинают следующее. Участки ограждены растениями, чаще всего, плодовыми кустарниками. Хозяйственные постройки – амбары, хранилища, загоны для скота, – вынесены за пределы деревни и размещены по четырём сторонам, образуя выступы, придающие ей форму квадрата. Осенью, для временного хранения урожая или фуража, на лугах устраиваются дополнительные укрытия и схроны. За постройками простираются пашни, сады, луга и пастбища, а вокруг них – дикая природа, леса и поля, с их опасными обитателями и неисчерпаемыми запасами ягод, грибов, фруктов, целебных трав, кореньев и много другого, в достатке произрастающего на необозримых зелёных просторах.

* * *

За крепким рослым телом и грубыми чертами лица атланта скрывается доброе, отзывчивое, чувствительное к беде, всегда готовое прийти на помощь, сердце – не имеет значения, сородичу или волей судьбы встретившемуся незнакомцу. Понятие досуга у атланта отсутствует, чтобы обеспечить себя пищей, одеждой, кровом, нужно трудиться с утра и до вечера. Лишь в межсезонье, когда урожай собран, подготовительные работы завершены, а время посева ещё не подошло, он может позволить себе короткий отдых. С древнейших времён атланты поддерживают дружеские связи с соседними племенами, обмениваются опытом, устраивают общие гуляния. Оставив в деревне ровно столько людей, сколько нужно для ухода за хозяйством, они идут в гости к

соседям. Никто не беспокоится, что может нагрянуть пришелец и взять чужое, овладеть им тайком или отобрать силой – ранним атлантам такие случаи неизвестны.

Хозяйство у них общее, за исключением придомовых участков, где выращиваются излюбленные огородные культуры. Каждый обеспечен необходимым, если же обнаружит нужду, идёт к старейшинам, говорит, что ему нужно, и получает из общинных запасов. Все свои силы ранний атлант вкладывает в общее дело, а результат – будь то благополучие или неудача, делит поровну. Зависти он не обнаруживает, доброта и взаимопомощь – одно из присущих древнему человеку естественных свойств, им не удивляются, их не измеряют, не вычисляют, как не высчитывают количество вдохов и выдохов, как не оценивают присутствие воздуха, понимая, что его отсутствие просто прекращает жизнь. Он всегда думает об общем – иного не знает, и не представляет, что может быть иначе. Все его дни посвящены совместному труду, заботам о сородичах и делах общины, а собственная жизнь неотделима от жизни народа, как зерно от колоска пшеницы. Он знает, что его пращуры выжили только благодаря совместным усилиям, и только благодаря их самоотверженности ему дана жизнь – если не будет сплочённости, придут несчастья и поглотят весь народ, как река поглощает брошенный в неё камень. К любому человеку ранний атлант относится так, как его потомки будут относиться лишь к своим ближайшим родственникам – да и то далеко не ко всем.

Никто никому не желает зла. Ещё не освоено тонкое искусство лицемерия и плутовства, ещё нет ни грубого обмана, ни изысканной, утончённой лжи, ещё не посеяны семена ненависти, не взошли ростки вражды, ещё не распустила свою прочную паутину жажда наживы, не свила уютное гнёздышко зависть, ещё не расцвело самолюбие и не произвело своих старших детей, высокомерия, гордости, тщеславия и соперничества, но они, а с ними и многие-многие другие уже проклюнулись, подросли, собрались в дорогу и ждут удобного случая, чтобы добраться до человека и разделить между собой его жизнь, раскромсать её на мелкие кусочки, и каждый из них возьмёт причитающуюся ему часть, а хозяину придётся удовлетвориться жалкими остатками. Если бы у них был дар речи, а у человека соответствующий слух, он бы непременно услышал их шёпот: «Жди нас. Встретимся в условленном месте. Веди себя хорошо. Не забывай, твой долг быть вместе с нами.

Мы уже готовы, скоро будем.» Знаменательная встреча состоится в относительно недалёком будущем, но душа раннего атланта ещё незанята, незапятнана, незапачкана этими нечистыми постояльцами, уже предвкушающими весёлое времяпровождение, смакующими, как они будут сотрясать, терзать, распалять, иссушать, обескровливать свою заложницу – разрастаясь, расцветая, преуспевая, благоухая, толстея за счёт её не столь отдалённых потомков.

В Мдарахаре о готовящейся экспансии ничего не знают, дружно ведут совместное хозяйство и всегда приходят на помощь, не разделяя на «твоё-моё», не представляя о таких правилах, как «всё имеет свою цену», «дай за дай», «оторви кусок побольше», и многих других, сформулированных буйно разросшимися страстями. Им неизвестно, что такое счастье, они и не подозревают о его существовании, но оно у них есть – в виде естественного безымянного состояния, подобно здоровому организму, важность и значение которого проявляется лишь с приходом болезни.

Общность и взаимопомощь – замечательное свойство самосохранения всего раннеатлантического периода, необходимейший закон выживания в сложных условиях, во враждебной среде дикой природы. Мдарахарцы умеют не только преодолевать препятствия, но и радоваться жизни – у них есть всё, что им нужно, а сверх этого они не желают ничего, довольствуясь тем, что имеют. За пройденные тысячелетия человек приобрёл не так много ценного, что могло бы сравниться с этим важнейшим свойством, присущем незначительному количеству избранных: стремись к лучшему, довольствуясь тем, что имеешь!

Имуществом общины распоряжаются старейшины, распределяют причитающиеся семьям доли, ведут учёт, составляют перечень, количество заготавливаемых продуктов и средств быта, планируют, какие и сколько предметов обихода и орудий производства необходимо изготовить, назначают исполнителей. Письменные знаки отсутствуют, записной книжкой раннему атланту служит обширная память. Высшая власть в Мдарахаре, как и в других деревнях, принадлежит жрецам, управляющим народом, опираясь на Божью волю, обычаи предков и мудрость поколений. Неписаные законы не разглашаются – считается, что простой атлант с ними не совладает, а значит, не стоит отвлекать его от работы, обременяя излишними сведениями. Это утверждение

недалеко от истины – тёмное, освещённое едва мерцающим лучом света сознание продолжает руководствоваться природными инстинктами, слепо следует преданиям пращуров и указаниям жрецов, ведущих его по жизни, как мать ведёт младенца – взяв за руку и постоянно придерживая, неусыпно следя, чтобы он случайно не споткнулся и не упал.

Старейшины избираются из тех, кто в совершенстве освоил правила ведения хозяйства и увидел своё третье поколение, как подтверждение способности воспитания и управления. Дома старейшин находятся на территории святилища и переходят преемнику, избранному на место отошедшего к предкам.

Совсем иначе выбираются жрецы. Долгий процесс введения в мир мудрости начинается в детстве. Жрецы отбирают способных детей и годами учат их в храмовой школе: сначала пересказывают народные предания, затем объясняют основы законов мироустройства, вводят в тайны общения с силами природы, обучают азам искусства врачевания. Ученики трудятся наравне со всеми, занятия в храме проводятся после работы. По завершению общей подготовки лучшего ученика обучают правилам проведения ритуалов, причинам зависимостей минералов, растений, животных, человека от поры суток, времени года, учат воздействовать на природу, после чего посвящают в сан, поэтому жрецы выделяются в общине, как холмы на плоской равнине, служа вехой и ориентиром на местности.

Атланты уверены, что далеко за тучами, на недоступной им высоте, обитает неисчислимое множество существ, смотрящих на их поступки, читающих мысли, отзывающихся на просьбы, помогающих преодолеть трудности, а ещё выше, на самой вершине мира, восседает единолично управляющий необозримой вселенной и зорко наблюдающий за исполнением своих поручений всемогущий Бог. Жрецы говорят, что в земле, воде, воздухе и огне, действуют особые создания, называют их истинными движителями природы и утверждают, что далёкие пращуры умели управлять скрытыми в них силами. Мдарахарцы безмерно удивляются способностям своих предков, их сложной системе общения, работавшей по принципу душевного оповещения, заключавшейся в том, что поступающие из окружающей среды сигналы, через подсознание, создавали в человеческом существе нечто, похожее на эмоции радости или грусти, и порождали соответствующие настроения

– умиротворение означало дружественное и притягивало, тревога кричала об опасности и отталкивала. Их современникам доступны лишь грубые формы предупреждений об опасности, остальные сигналы, идущие от природы, заглушаются мощным звучанием приспособлений для внешнего познания, но они подччиняются жрецам, умеющим выходить за рамки привычных восприятий и вступать в общение с соседними мирами.

На природу атланты смотрят как на цельный живой организм, состоящий из множественности сил и элементов. Каждая его часть действует самостоятельно и несёт ответственность по своим обязательствам. Высшее руководство принадлежит сотворившему природу Всевышнему, непосредственное управление находится в руках различных, невидимых человеку, существ. Они действуют повсюду: в дуновении ветра, каплях дождя, звуках грома, сверканиях молний, движениях земли. Они отвечают за тепло и холод, смену времён года и чередование дня и ночи, рост и цветение, увядание и отмирание. Атланты верят в высшие силы и убеждены, что мир движется усилиями незримых тружеников, работающих ради всего существующего – в том числе ради них. Видимые элементы природы они соединяют с указанными существами и обращаются к ним как к одухотворённым личностям – потому, что знают: где-то далеко, за тяжёлыми тёмными тучами, ради них встаёт солнце, освещающее, согревающее и питающее землю; птицы витают в небе и поют песни, чтобы развеселить их сердца и обрадовать их души; река несёт чистые прохладные воды, чтобы напоить их и очистить их тела; дождь орошает их луга и пашни; земля выращивает им деревья, кусты, травы, злаки, овощи, огородную зелень – она вбирает солнечные силы, прибавляет к ним свои и производит для них пищу. Мир живёт ради людей! Мир работает и приносит людям результаты своего труда – делая это, чтобы услышать слова благодарности, которые они, не скупясь, без устали говорят всей природе, обращаясь к каждому её представителю: «Спасибо тебе, Солнце – за то, что ты ежедневно трудишься для нас, каждое утро встаёшь, насыщаешь благодатными лучами воздух и одаряешь природу силой роста. Спасибо тебе, дождь – за то, что ты, равномерно изливаясь с небесных вместилищ, поливаешь наши луга и поля, даёшь необходимую им влагу, а они впитывают её и отдают кормящей нас растительности. Спасибо тебе, земля – за твою неутомимость и усердие, низкий поклон за проявляемое тобой терпение

к нам и нашим поступкам. Спасибо тебе, река – за постоянство и размеренность, ты без сожаления отдаёшь нам собранные тобой в неизвестных нам далях чистые воды, и твоя полнота не иссякает.» Силам природы атланты говорят: «Спасибо вам за ваши труды, движущие миром и дающие жизнь! Вы проистекаете из воздуха, тепла и воды, посредством земли наполняете растения и питаете наши тела, вы вдыхаете в нас крепость, приумножаете наше здоровье и сохраняете целостность нашего организма – благодаря вам, в нас продлевается жизнь!» Природа видит почтительное отношение к себе, принимает сказанные от чистого сердца слова благодарности, настежь отворяет свои закрома и наполняет обилием человеческие, охотно отдавая всё, что у неё есть. А у неё есть всё! Она – госпожа, она – властелин всего, что нужно людям для процветания и благоденствия! Весь мир – природа дающая, природа рождающая, природа созидающая, природа творящая, люди без неё – ничто! За полученный в дар достаток кормилица требует от них заслуженного воздаяния. Её требования просты: предоставляя себя целиком, она ждёт от людей самую малость – ответ и оценку, от которых зависит её усердие. Ответ принимается в виде внимательного отношения к себе, оценкой служит бережливо обращение со всеми представителями растительного и животного царств – жертвуя себя без остатка, она имеет право на это символическое требование! Человеческая благодарность для природы – как дождь для земли, целительная влага, питающая и поддерживающая её способность к воспроизводству. В исходящей из душевных глубин благодарности заключена особая, способная влиять на весь мир, сила, подвигающая его к исполнению призыва. Воздействуя на скрытые механизмы, человек приводят в движение силы стихий, проявляющиеся в дуновении ветра, каплях дождя, лучах света, природа питается ими и возвращает их ему уже преобразованными – в густых травах, ароматных цветах, разлогих деревьях, колосящихся нивах, буйно растущей жизни.

Тысячелетиями длится благодатная пора взаимосогласия человека и природы, поддерживающих, дополняющих и дарующих друг другу так необходимые каждому из них силы.

Составление и прочтение благодарственных молитв является одной из основных обязанностей жрецов. тТолько им известен механизм воздействия на внеземное, лишь они знают, как открыть врата в невидимый мир. Слова молитвы наделены особой значимостью, но для

преодоления расстояния между мирами недостаточно простого произнесения звука – решающее значение имеет душевная сила призыва. Устремлённая ввысь благодарность долетает до слуха небесных наставников и отражается на росте природы. Молитву небесные наставники принимают за прекрасную песнь, воспетую детьми своим родителям – ведь человека они познали младенцем, собственноручно поместили в лоно земли, выпестовали, вырастили, а сейчас присматривают за ним, ожидая окончательного созревания и готовясь к его торжественному возвращению домой.

В Мдарахаре каждый месяц совершают церемонии благодарения, призванные сплотить вызревшие в душах людей чувства. На них народ подхватывает начатую жрецами молитву, многократно её усиливает, и она, словно могучий полноводный поток, вырывается из окутанной туманом земли и долетает до сияющего Божьего престола, извещая Создателя, что его творение добросовестно исполняет возложенные на него повинности: живёт как завещано, чтит труды всех, кому обязано бытием и направляет помыслы к своему Творцу. Всевышний благосклонно принимает положенное почитание, а если к нему приложены просьбы, призывает небесных хранителей и даёт указания: устранить возникшие помехи, укротить разгулявшуюся непогоду, пресечь неправомерные вмешательства, придать ослабевшим душам сил, и в дальнейшем так же неусыпно заботиться о своих питомцах, посланных осваивать нелёгкие условия дикой земной жизни.

Глава II

Шорпитуку двадцать пять лет, он высокого роста, крепкого телосложения, молод и полон сил, у него типичные для атланта крупные черты лица и короткие прямые тёмные волосы. Он живёт с женой Тормидаль и семилетней дочкой Свидамиль в одном из домов внешнего кольца на юго-востоке деревни. Спокойный характером, трудолюбивый, он встаёт ранним утром, завтракает и идёт на один из хозяйственных дворов, там слушает, как старейшины обсуждают с опытными землепашцами детали предстоящих работ, получает задание на день и следует дальше, на поле, где трудится до вечера, прерываясь на короткие отдыхи.

Своё место в жизни народа атланты не выбирают, родители приучают детей к работам, которым научены сами. Как правило, дети следуют

по их стопам и к отрочеству становятся полноправными членами общины. По роду деятельности наурши делятся на две группы, землепашцев и пастухов. Шорпитук принадлежит к землепашцам, обрабатывает посевы, огородные культуры, ухаживает за садами, собирает урожай, как выращенный самостоятельно, так и дикорастущий, заготавливает корм для скота, выполняет массу других общественных работ по благоустройству деревни. В обязанности пастухов входит присмотр за общинными стадами и сопутствующие им работы – подготовка, ремонт и чистка загонов, уход за животными.

Утро в Мдарахаре начинается однообразно: мужчины и женщины собираются на хозяйственных дворах, получают от старейшин задание и расходятся по работам. Женщины участвуют в жизни общины наравне с мужчинами – в те часы они незначительно уступали им в росте и силе, а выносливостью ещё и опережали, но у них были особые обязанности – забота о детях и ведение домашнего хозяйства.

Сегодня Тормидаль остаётся дома. Проводив мужа на работу, она идёт с дочкой на огород, что расположился между садом и домом, поручает ей очистить от сорняков грядку зелени, а сама принимается за соседнюю. Свидамиль знает, что и как нужно делать, и без лишних вопросов начинает вырывать быстро разрастающийся бурьян.

Дети атлантов очень любознательны, их интересует всё, что можно потрогать и пощупать руками, попробовать на вкус, они лазят повсюду, куда позволяют забраться ловкость и сила, исследуют новые места, попутно изучая свойства вещей, испытывая предметы на гибкость, твёрдость, прочность, податливость. Свидамиль полностью соответствует данному описанию и, в дополнение к нему, отличается непоседливостью – за день она успевает и помочь маме, и набегаться с друзьями, и поиграть в поле, для неё самое трудное – сидеть без дела.

На дворе шумит лето. Ждать урожая осталось недолго, плоды уже набрали вес и наливаются спелостью. В это время мдарахарцы приводят деревню в порядок – чинят жилища, дороги, ограждения для животных, а также собирают первые дары природы. Изголодавшись по свежей зелени, они бегают в лес – за ягодами, на луга – за питательными травами, кореньями, и едят их, просто почистив или приготовив душистые зелёные салаты.

Свидамиль восхищает роскошь природы, богатство покрытых высокой рожью полей, благоухающее разноцветье шелковистых лугов,

но больше всего ей нравится бродить в ближнем лесу. И ещё, ей очень хочется ранних лесных ягод – наполненные доверху корзинки возвращающихся из леса односельчан говорят, что пришло время сбора. Несколько дней кряду она настойчиво просит у мамы разрешения сходить в лес, обещая принести домой полную плетёнку маленьких тёмно-синих бусинок, но получает отказ. Свидамиль знает, мама не боится, что она заблудится или попадёт в беду – ей хорошо известны ближний лес и ягодные места, где она бывала много раз, причина в чём-то другом, мама не говорит, в чём, но точно не из-за боязни отпустить её одну – ведь они с подружками частенько бегают в лес сами, без взрослых. Вырастающие среди природы дети атлантов умеют отличить сигналы тревоги от других звуков, а там, где есть знание, нет страха. Важно не терять внимательности и осторожности – они завсегда помогут избежать опасности и прийти целыми и невредимыми.

– Мама, мама! А можно Свидамиль сходить в лес за ягодами? – настойчиво добивается своего девочка.

Мдарахарцы обожают сочные, сладковатые, слегка терпкие ягоды. Как только слух об их созревании разносится по деревне, они дружно хватают плетённые из лозы корзинки, устремляются в лес, наполняют до краёв упругими бусинками, приносят домой, высыпают в широкие деревянные чаши, очищают от случайно попавших туда листиков, палочек, букашек, усаживаются кружком и с удовольствием съедают.

Свидамиль пристаёт к маме потому, что уверена – она обязательно разрешит, но та по-прежнему отказывает, будто не знает, как ей хочется ягод. Буль её воля, она сейчас же сорвалась бы с места, стремглав понеслась в наполняющийся вкусными плодами лес и долго бродила бы между толстых стволов и массивных веток деревьев, продиралась сквозь густые заросли кустов, поглаживала лохматые папоротники, вдыхала смолянистую свежесть, слушая шелест листвы, звуки собственных шагов, шорохи и голоса лесных жителей, после чего, вдоволь находившись и порядком устав, присела бы в тихом месте, отдохнула и вернулась домой.

– Видимо ты забыла, что мама говорила тебе вчера. В наших местах ягод нет, – напоминает ей Тормидаль, – устанешь, собьёшь ноги, но придёшь без ягод.

Свидамиль вспоминает. Действительно, мама что-то говорила о ягодах, но она не особенно к ней прислушивалась, желая услышать одну фразу: «Да, конечно же, иди!» – и продолжает уговоры:

– Ну мама… Свидамиль не вернётся с пустой корзинкой!

– Где же Свидамиль наберёт целую корзинку ягод? – спрашивает Тормидаль.

– Свидамиль возьмёт ягоды в лесу и принесёт домой, – отвечает дочка.

– Там, где мы с тобой всегда собирали много ягод, сейчас ничего нет, – напоминает Тормидаль.

Свидамиль склоняет голову вперёд, упирается взглядом в землю, что-то обдумывает и обиженным голосом говорит:

– Свидамиль уже сказала, где возьмёт ягоды. В лесу много ягод, Свидамиль умеет собирать ягоды. Почему мама не хочет отпустить её в лес?

Тормидаль сдаётся: «Ладно, пусть девочка погуляет», – думает она и, на всякий случай, предостерегает, напоминая азы лесной науки:

– Ладно, иди, но в незнакомые места не ходи! Не забывай о внимательности, прислушивайся, смотри под ноги и по сторонам.

– Не переживай! – успокаивает её дочь. – Свидамиль не маленькая, к тому же, ты ведь знаешь, мы всегда ходим втроём, – она хочет позвать Хормикен и Асхерти.

Вскоре три неразлучные подружки идут в ближний лес. Ступая босыми ножками по сырой земле, девочки резво шагают друг за дружкой по узенькой тропинке. Вокруг простилаются густые травы и пахучие цветы, в которых прячутся стрекочущие кузнечики, в воздухе весело порхают бабочки, летают стрекозы, а надоедливые мухи так и норовят сесть на лицо, заставляя отбиваться руками и корзинками.

Лес встречает их насыщенным запахом листьев и влажной, после ночного дождя, землёй, его прохладный воздух бодрит, поднимает настроение и вселяет в юные сердца радость.

Девочки уже долго ходят по знакомым местам, но их лукошки остаются пустыми, не считая сиротливо перекатывающейся по трём донышкам пригоршни ягод. Чтобы её собрать, им пришлось тщательно обыскивать каждый кустик, и хорошо, если там были припрятаны несколько маленьких бусинок. «Ведь мы сами видели односельчан,

несущих домой полные корзинки – значит, ягоды где-то есть, – размышляют они. – Но где их искать, как найти?»

– А давайте пойдём дальше, – предлагает Свидамиль, – может быть, лес нас забыл и спрятал ягоды. Немого походим – пусть привыкнет к нам и убедится, что мы его знаем. Тогда он вспомнит нас и покажет другие ягодные места.

Хормикен и Асхерти соглашаются – им совсем не хочется возвращаться с пустыми корзинками. Девочки довольно долго идут в выбранном наугад направлении, смотрят под ноги, скользят взглядами по сторонам, надеясь встретить знакомые низкорослые кустики, усыпанные гроздьями заветных ягод, но ничего не находят – земля повсюду устлана плотным ковром мягкого пушистого мха и редким папоротником. Они останавливаются, осматриваются, решают ещё немного пройти, сразу же попадают в объятия густого кустарника, выбираются из него и оказываются на маленькой, заросшей высокой травой, полянке. На её противоположной стороне виднеется низенькая, словно наспех приткнутая, горка необычной формы и странного вида – будто она от кого-то прячется. Зажатая деревьями и кустарником, со стороны полянки сплошь увитая мелколистным плющом, она осторожно выглядывает из лесной чащи, словно ожидает появления чего-то нежелательного, а её форма очень напоминает голову гигантского ящера из рассказов родителей.

Дети – прирождённые исследователи. Их любопытство естественно, они изучают новый для себя мир, открывают и запоминают его законы, и чем неусидчивей ребёнок, чем пристальней он его исследует, тем лучше и полнее может проявить свои способности во взрослой жизни. Обрадовавшись возможности порезвиться, девочки вприпрыжку бегут к горке, взбираются на неё и осматривают полянку.

Свидамиль проворно вскарабкалась на горку, огляделась, не нашла ничего интересного, посмотрела наверх, увидела свисающие над головой массивные ветви стоящих рядом деревьев, и у неё возникло желание проверить, сможет ли она до них дотянуться. Слегка присев и взмахнув руками, она подскочила и повисла на ближайшей ветке, та нехотя качнулась, прогнулась под её тяжестью и повела в сторону. Не удержав равновесия, Свидамиль заскользила вниз по крутому, заросшему мхом, склону, оказалась на земле, отпустила ветку и обнаружила, что стоит перед узким, как трещина, отверстием. Если бы она не содрала ногами вьющиеся стебли плюща, вряд ли ей удалось бы заметить искусно

закрытое густой зеленью отверстие. Свидамиль с любопытством заглянула внутрь – увы, кромешная темнота не выдала ни одного предмета, шумно втянула носом тёплый застоявшийся воздух, но не почувствовала ничего, кроме запаха влажной земли.

– Девочки! Идите сюда, Свидамиль нашла пещеру, – закричала она.

Над ней показались две любопытные головки, исчезли, и через мгновение появились рядом.

Они оборвали остатки плюща и стали всматриваться в темноту, вытягивая шеи и заглядывая в зияющую дыру, однако ничего не увидели.

– Интересно, а что это может быть? – спросила Асхерти.

– Напоминает нору, – сказала Хормикен, и предложила. – Давайте залезем внутрь.

– Давайте, – согласились Свидамиль и Асхерти.

Из в изобилии валяющихся в лесу веток быстро изготовили факел, на толстую палку намотали тонких веток, напихали между ними сухого мха, листьев, и вернулись к пещере. Сначала очистили вход от остатков травы и обрывков плюща, затем с помощью кремня зажгли факел и, освещая горящей связкой неровные стены мрачного тоннеля, ещё раз заглянули внутрь. Его вид нагнал на Хормикен и Асхерти такого страха, что они наотрез отказались лезть в подземелье, но Свидамиль не бросала задуманных дел. Укоризненно посмотрев на виновато потупившихся подружек, она взяла из рук Хормикен факел и смело ступила в тёмное отверстие.

Проход был узкий и низкий, вначале ей пришлось идти, пригибаясь и поднимая вверх свободную руку – чтобы не ударяться головой, а вторую, с факелом, вытягивать как можно дальше вперёд – чтобы не обжечься. Она осторожно пробиралась вглубь, нащупывая ногами почву и стараясь не задевать влажные скользкие стены. Оставшиеся возле входа подружки время от времени кричали в тёмную дыру, спрашивая, что она видит, Свидамиль отвечала, что ничего примечательного не встретила, очень сыро, много мокриц и пауков. Пещера расширилась, повела вниз, затем пологий спуск выровнялся и пошёл дальше ровно, плавно поворачивая то в одну, то в другую сторону. После нескольких поворотов Свидамиль перестала слышать крики подружек, её охватила полная тишина, таинственное безмолвие лесного подземелья нарушали лишь глухие звуки шагов и потрескивание факела.

Девочки продолжали кричать вглубь расщелины и прислушиваться к доносящимся из неё звукам, но ответов не было. Им стало жутко. Зияющее отверстие оказалось замаскированным под безобидную каменную горку поглотителем людей. На память пришли рассказы об ужасных чудовищах – возможно, одно из них сидит там, дожидаясь таких, как они, случайно забредших сюда собирателей ягод, уже схватило Свидамиль своими когтистыми лапами и поспешно пожирает её маленькое тельце. Бедная Свидамиль! Она не могла знать страшной тайны пещеры! А если чудовище не наестся и выскочит наружу? Девочки испугано посмотрели друг на дружку, отбежали, спрятались за толстым стволом ближайшего дерева, но страх заставлял их выглядывать, проверяя, не гонится ли за ними ненасытный зверь. Чёрное отверстие хранило молчание. Тогда они опустились на корточки и стали гадать, что же случилось со Свидамиль и как им быть дальше, но ничего не могли придумать. О том, чтобы идти к ставшему ещё страшнее подземелью, не могло быть и речи. Возвращаться домой, не разузнав, что произошло с пропавшей подружкой, они были не вправе. Оставалось одно – дожидаться, сколько хватит смелости и терпения, а если Свидамиль за это время не появится, идти в деревню за помощью. Хормикен и Асхерти сели на землю и принялись ждать, по очереди поглядывая на вход в пещеру.

К счастью, ожидание продлилось недолго. Девочки услышали шорохи со стороны пещеры, вскочили и замерли, высунув из-за толстого ствола дерева свои любопытные носики. Вскоре они увидели, как из расщелины вылезает пропавшая, её лицо, волосы, одежда и открытые участки тела были облеплены паутиной, испачканы землёй и покрыты тонким налётом серой пыли. Она тут же опустилась на лежащую у горки кучку обрывков плюща, прислонилась спиной к камню и закрыла глаза. Тяжёлое дыхание и высоко вздымающаяся грудь говорили, что в пещере что-то случилось.

Любопытство одолело страх, тем более, что их предположения оказались лишь не в меру разошедшимся воображением. Хормикен и Асхерти подбежали к ней и стали засыпать вопросами, но она не обращала на них внимания. Тогда они немного подождали, дав ей отдышаться и опять стали расспрашивать, что и как там было. В ответ Свидамиль только махнула рукой. Подождав достаточное, на их взгляд, время и не увидев изменений к лучшему, они решили возвращаться в деревню, взяли корзинки, подхватили Свидамиль под руки и потихоньку побрели

назад. Обратный путь показался им значительно длиннее и труднее, но в Мдарахар они добрались засветло.

Услышав о произошедшем, Тормидаль огорчённо покачала головой, бросила свои дела и захлопотала возле дочки – помыла, натёрла кореньями, напоила горячими отварами целебных трав, переодела в чистую одежду и уложила спать. Стоило головке Свидамиль коснуться подушки, как она погрузилась в глубокий сон.

В этот вечер Шорпитук вернулся домой позже обычного. Когда он пришёл, Свидамиль уже тихо посапывала. Час од часу вздыхая и сетуя на дочкино любопытство, Тормидаль вполголоса рассказала ему о случившемся, и они, посудачив о возможных причинах недомогания, легли спать на служащий им постелью покрытый козьими шкурами толстый слой сена, решив предоставить времени – действовать, а себе – ждать.

Проснувшись ранним утром, Шорпитук увидел, что Тормидаль уже встала и сидит возле дочки, о чём-то тихо с ней разговаривая.

– Как себя чувствуешь? – спросил он Свидамиль.

– Всё хорошо, папа. Свидамиль выспалась, – ответила она ему.

– Что ты видела в пещере? – поинтересовался он.

– Когда Свидамиль вошла в расщелину, она увидела, что проход сплошь заткан паутиной, с сидящими и бегающими по ней противными толстыми пауками. Паутина очень мешала и замедляла движение, в одной руке у Свидамиль был факел, другой она обрывала её нити, но паутина не сдавалась, лохмотьями облепляла тело, цеплялась к одежде, летала в воздухе, норовя прилепиться к лицу и волосам, тогда Свидамиль придумала жечь её огнём, и пошла быстрей. А ещё там было много следов ёжиков и мышей, но Свидамиль они не попадались. Мы сделали большой факел, он хорошо горел и ярко освещал пещеру, она сначала шла вниз, затем выровнялась и только плавно виляла. Свидамиль всё время внимательно смотрела под ноги и на стены, но ничего интересного не находила и уже собралась возвращаться, как тоннель резко повернул в сторону. Полюбопытствовав, что там, Свидамиль прошла за поворот и увидела, что пещера сужается и сильно петляет – вправо, влево… От множества поворотов даже закружилась голова, а потом Свидамиль неожиданно оказалась на округлой площадке со сводчатым потолком. Посреди неё лежало огромное яйцо – раньше Свидамиль таких не встречала, оно доходило до пояса, а с виду было совсем старое, покрытое плесенью и мхом. Свидамиль осветила его,

обошла вокруг и пнула ногой – чтобы выяснить, насколько оно крепкое. Яйцо развалилось на куски и выпустило облако пыли, которая покрыла одежду, руки и лицо Свидамиль, а воздух сразу же посерел, словно опустился утренний туман. Пыль скрипела на зубах, имела дурной привкус и очень плохо пахла, от её едкого запаха заболела голова, стало трудно дышать. Свидамиль развернулась и быстро побежала к выходу. Огонь факела скоро ослабел и потух, дальше пришлось долго идти на ощупь, дыша тяжёлым воздухом.

– Похоже, ты всего лишь надышалась пыли и плохого старого воздуха. Это должно пройти. Полежи, мама принесёт тебе укрепляющих кореньев и приготовит поесть, а папа пойдёт в пещеру, посмотрит, что это такое, – успокоился Шорпитук.

Он отправился на хоздвор и рассказал о случившемся старейшине Заривалю, тот выслушал и велел идти втроём, взяв двух человек, кого выберет сам. Договорившись с друзьями, Шорпитук попросил их подготовить необходимое для похода снаряжение и отправился к отцу Асхерти, просить отпустить дочку с ними, чтобы она показала дорогу к пещере. Пока Шорпитук ходил к отцу Асхерти, друзья, не теряя времени, подготовили связку хороших смолистых факелов, взяли крепких кожаных ремней, мешков, на всякий случай захватили пару увесистых дубин для защиты от неизвестной напасти, и дожидались Шорпитука с Асхерти, а когда они подошли, вместе плотно позавтракали и двинулись в путь.

Дорога прошла без приключений, но, приближаясь к поляне, все четверо почувствовали сильное желание немедленно вернуться домой – чтобы продолжить путь, им потребовалось приложить немало усилий. Асхерти удивлялась, как они могли не заметить столь явно выраженного предостережения. Местность, где была пещера, оказалась пустынной и неприветливой, её избегали даже вездесущие вороны. Не удивительно, что в деревне о ней не знали – своими сигналами она отталкивала, заставляя обходить себя десятой дорогой, а если кто упускал предостережение, случайно забредал в такие края, опомнившись, убегал прочь со всей присущей ему прытью. Человека могло завести сюда только незнание леса или потеря чувствительности, что и произошло со страстно желающими ягод неопытными девочками.

Узкая невысокая расщелина находилась в огромном валуне, часть которого, вероятно, была выдавленном из-под земли относительно недавно. Проливные дожди успели смыть с него почти всю почву, кроме той,

что удерживала укрывающая его зелень. Они обошли вокруг камня и не увидели никаких следов – значит, здесь никто не живёт.

Одного из друзей Шорпитук оставил снаружи с Асхерти, а со вторым полез внутрь. С трудом протиснувшись в щель, они медленно продвигались вглубь пещеры, смотря под ноги и периодически осматривая свод и стены. Действительно, ничего примечательного она собой не представляла – ноги ступали по ровному каменистому основанию, обросшие плесенью грязно-серые стены поблескивали влагой, над головой нависал низкий монотонный свод. Свидамиль верно заметила, от входа пещера спускалась вниз, после чего выравнивалась и дальше шла относительно ровно.

Они потеряли счёт поворотам и, когда за очередным из них им открылась округлая пещера с высоким арочным сводом, невольно остановились, огляделись, поводив факелами в воздухе вокруг себя, затем сделали несколько шагов вперёд, увидели грязные остатки яйца и поняли, что пришли на то место, о котором рассказывала Свидамиль. Обломки скорлупы валялись посредине пещеры нетронутыми. Друзья внимательно исследовали их, часть отобрали, аккуратно сложили в кожаный мешок, нагребли небольшую кучку каких-то лохмотьев с пыльным налётом, досыпали к скорлупе и двинулись обратно.

Когда они пришли в деревню, день был в самом разгаре. Зариваль выслушал рассказ Шорпитука, осмотрел содержимое мешка и послал его к лучшему знахарю Мдарахара, жрецу и хранителю преданий Птирбану. «Только ему известно, что это может быть», – сказал он Шорпитуку.

Шорпитук зашёл домой, увидел, что Свидамиль чувствует себя хорошо, наспех пообедал и отправился к Птирбану, к которому можно были пройти несколькими путями – выйдя на южную дорогу и обогнув храм по ближайшей к нему кольцевой улице, либо по Главной дороге. Шорпитук выбрал второй маршрут, повернул направо и зашагал в сторону Главной дороги.

Справа и слева от него лежали участки односельчан, с бегающими во дворах детьми, копошащимися в огородах и садах женщинами и стариками – деревня жила обычной, полной забот и трудов, жизнью. Мужчин мало, они в это время заняты на общественных работах. Проходя мимо очередного двора, он услышал:

– Куда путь держишь, Шорпитук? – поинтересовался возвышающийся над зелёной изгородью старик.

– Шорпитук идёт к Птирбану, – остановившись, ответил он.

– Слышал, у тебя дочка захворала?

– Да, вчера Свидамиль малость нездоровилось, но сегодня прошло.

– Выздоровела?

– Похоже на то. Сейчас бодра, возится в огороде вместе со Свидамиль.

– Дай Бог ей здоровья! А что это у тебя в мешке?

– Сегодня Шорпитук ходил с друзьями в лес, нашёл нечто странное и несёт показать Птирбану, – ответил он и поспешил дальше, а старик кивнул головой, проводил его долгим взглядом и вернулся к своим делам.

По дороге Шорпитуку часто приходилось останавливаться и говорить с односельчанами. Нельзя сказать, что он словоохотлив или хотел поболтать, скорее наоборот, немногословен, как и остальные атланты. Причина частых остановок и коротких бесед в другом – в те часы человеком интересовались не из праздного любопытства, не подчиняясь общепринятым законам поведения, не из-за так называемых правил приличия, не потому, что так требуют показная вежливость и благопристойность, но ради прямого участия в жизни каждого соплеменника, подразумевая: «Чем я могу тебе помочь?» – Любая новость разлеталась по деревне со скоростью ветра, хорошая вызывала радость, плохая – сочувствие. Узнав о чьём-то горе, односельчане проникались им до глубин души, принимая частицу чужой боли и преобразовывая в свою, слово «сострадание» у них не было указанием на отдалённое представление о чьих-то переживаниях, но действительным восприятием их чувств. Практическое применение сострадания отнимало частицу несчастья у тех, кого оно постигло, и возлагало на сострадающих, чем больше участников, тем легче горестная ноша – равномерно распределённая по сородичам, она становилась незначительной. Однако совсем иначе обстояло с счастьем. Когда делились радостью, она не дробилась, не крошилась, не рассыпалась на песчинки – передавалась, как есть, целиком, не отнимаясь у получателя, но равномерно увеличиваясь с каждым сорадующимся – потому, что, подобно несчастью, её воспринимали непосредственно, как принадлежащую лично воспринимающему. Выражения, ставшие в дальнейшем нарицательными, атлантами переживались непосредственно, поэтому односельчане и спрашивали Шорпитука о состоянии дочери, а он останавливался чуть ли не у

каждого двора и докладывал о её самочувствии, что принятая ими часть боли смягчала недуг и увеличивала шансы на скорое выздоровление.

Дом, куда шёл Шорпитук, находился на северной стороне храма. Его хозяина по праву можно назвать главой деревни, он в Мдарахаре самый старый и самый мудрый. Каждому мдарахарцу известна его всеобъемлющая память, надёжно хранящая накопленные веками сказания, предания, былины, события из истории народа. О предшествовавших им древних временах она знает всё – также, как знает о том, что было ещё раньше, когда на земле обитали небесные наставники, по воле Бога готовившие её к приходу человека. Память Птирбана – неисчерпаемый кладезь знаний, сокровищница древностей, оберегаемая пуще зеницы ока. Как и все его предшественники, ценные сведения он получил от своего наставника и, сохраняя преемственность поколений и нерушимость традиций, передаст ученику. Тогда историю считали неотъемлемой частью народа – атлант был уверен, что она вместе с ним рождается и дышит, заболевает и выздоравливает, радуется и страдает, взлетает и падает, погибает или умирает – он относился к ней, как к живому существу. Запоминание своей истории имело для него огромное значение, дающее уверенность, что народ здравствует до тех пор, пока она сохраняется в памяти, если потерять вехи прошлого, отомрёт питающийся от него орган и наступит болезнь. Чем существенней потеря, тем серьёзней заболевание, в худшем случае народ ослабевает, хиреет и умирает, распыляясь и исчезая на земле и растворяясь во времени. Так атланты относились к истории. Они верили – если потомки надёжно хранят воспоминания о своих пращурах, жизнь народа продлевается на тысячелетия. Народ был для них древом, чьи корни означают ушедшее, предков, ствол – настоящее, современников, а крона – будущее, потомков. В их понимании, память о прошлом – корень, питает настоящее и проникает в будущее – передавая приобретённую мудрость, руководя мыслями и поступками живущих; современники – ствол, опираясь на опыт веков, растят ветви кроны – воспитывают подрастающее поколение, заботятся о наследниках. Уверенность атланта, что опорой народу служит крепкий корень, извлекающий из глубин былого питательные соки, укрепляющие растущий ствол и зеленеющую крону, указывает на надёжное основание древа – землю, связывает с ней своё благополучие и идёт дальше, а точнее, глубже, к труженикам стихий, от них ведёт к сонмам божественных существ и взбирается на вершину мироздания, к

Богу. «Вырви корень, и организм погибнет!» – восклицали жрецы, имея в виду совокупность видимого и невидимого, и призывая беречь природу, держаться вместе и чтить мудрость предков. Обращая внимание на непрерывность поколений, необходимость сохранения истории, они говорили: «Народ, пренебрегающий своим прошлым, не имеет будущего», – имея в виду, что его поразит смертельный недуг и он долго не проживёт. Шаг за шагом, атлант ступал из прошлого в будущее, изредка осмотрительно оборачивался назад, обозревал прожитое, делал выводы и продолжал свой путь дальше.

Птирбан хранит не только историю своего народа, но и сведения о временах изначальных, тысячелетиями переходящих от предков к потомкам, от учителя к ученику. Чтобы передать знания, хранитель преданий отбирает лучших учеников, прошедших начальный курс жреческой школы, вводит их в преддверие тайн и подвергает испытаниям, проверяя свойства души и духа, после чего один, реже – два ученика, продолжают обучение, кто-то из них сменит его на ответственном посту. Кроме хорошей памяти, ученик должен обладать и многими другими качествами – твёрдой волей, неуклонным стремлением идти по выбранному пути, терпением и невозмутимостью в любых обстоятельствах, храбростью и готовностью пожертвовать собой ради народа. Выдержавший испытания, подтвердивший способности хранитель преданий – самый уважаемый и почитаемый человек в деревне.

Сегодня Птирбан встал, как обычно, с рассветом, и отправился в храм поблагодарить Бога за прошедший день и попросить благословения на грядущий. Вернувшись домой, он легко позавтракал и уселся на привычное место под ветвями растущего недалеко от дома роскошного дуба. Хранитель всегда приходил сюда, чтобы предаться размышлениям. Прислушиваясь к размеренному шёпоту рассказывающего о своих снах дерева, он приводил себя в состояние покоя и углублялся в вопросы, требующие рассмотрения. Сев на скамью, он расправил длинную рубаху, выпрямил спину, закрыл глаза и погрузился в раздумья. Всю ночь его одолевали неясные тревоги – нечто поднималось, словно вырастая из-под земли, медленно, неумолимо накатывалось на него, подминало под себя и гулко разрывалось на части, разлетаясь на все стороны. Проснувшись словно от хлопка, он силился вспомнить подробности сновидения, терпел фиаско и, как ему казалось, опять засыпал, но это был не сон, а состояние полудрёмы. Беспокойство продолжалось и утром, после пробуждения, и во время служения в храме – кто-то настойчиво

пытался с ним заговорить. Нужно было выяснить, кому и зачем он понадобился.

Не успев сосредоточиться, Птирбан неожиданно почувствовал резкую боль в сердце – словно в него вонзился острый шип, а грудь сжало тисками. Волны сердечной боли разошлись по всему телу, наполнили тяжестью, отозвались криком о помощи в каждом органе, вжали в скамью, затем вскипели, расширились и добрались до сосудов души. «Вот какое ты, начало конца. Всё, что принадлежало тебе раньше, что называлось частями твоей плоти, проявляет независимость, обретает голос и норовит выскочить из тебя», – подумал хранитель, прислушиваясь к своему телу, наблюдая его, словно посторонний зритель и размышляя над возникающими ощущениями. Нестерпимая боль выламывала суставы, выворачивала наизнанку кожу, жгла огнём – тело пылало, словно разгоревшийся факел. Птирбан уже приготовился к давно ожидаемому исходу, думая, что это расставание души с телом, но боль понемногу утихла, ей на смену пришла душевная тоска, щемящая, изнывающая, вытягивающая из него силы, а где-то за ней, далеко и едва слышно, кошачьей поступью подкрадывалась знакомая тревога, неясная и неосознаваемая, как предчувствие чего-то непоправимого, огромной необратимой беды, неизвестной, но катастрофической, меняющей весь устоявшийся уклад жизни, ломающий всё, что так привычно и дорого сердцу. Вдруг откуда-то изнутри вынырнула огромная чёрная туча, заслонила собой небосвод и заставила Птирбана открыть до сих пор закрытые глаза – чтобы убедиться в характере явления. Как и прежде, над Мдарахаром серой пеленой нависало небо, в воздухе летали птички, чирикая свои простые и весёлые песенки, а над головой привычно шелестели листья – мерное течение дня не предвещало и не подтверждало явленной непогоды, но возникшая в подсознании туча не проходила – напротив, она становилась больше и темнее, сквозь неё даже пробивались какие-то расплывчатые очертания. Хранитель закрыл глаза, он начинал понимать, кому принадлежит предвестница – глашатай, возвещающий приход господина. В следующий миг Птирбана будто накрыла громадная волна, и он ощутил присутствие невероятно мощной силы. Да, это приход. Это – возвращение Его, без вести пропавшего участника древней истории земли, персонажа многих сказаний, обладателя устрашающих имён, самые известные из которых – Великий князь Тёмных сил, Вселяющий ужас и Повелитель Бездны, каждое

указывает на одно из свойств пршельца и хорошо знакомо любому жрецу. Не в состоянии пошевелиться, Птирбан сидел, всем своим существом втиснутый внутрь самого себя, вдавленный в собственную душу, страдающую от увиденного, онемевшую от постижения дальнейшего пути соотечественников, народов, всего человечества. Знаменуя своё появление, из тьмы вынырнули уродливые очертания хозяина Бездны, они меняли форму, играли цветами и оттенками, увеличивались и уменьшались в размерах, раздавались вширь и вздымались ввысь, вспыхивали и тускнели, это – триумфальный танец, возвещающий возвращение величайшего князя, господина земных князей, имеющего полное право торжествовать. Всходя на законный трон, любой властитель устраивает пышный праздник, и тем более полноправно ликует возвращающийся в свою вотчину владыка человеческого мира, безгранично над ним властвующий, своевольно ему повелевающий. Хранителю нечего было противопоставить ворвавшемуся в душу наглецу, и он вынуждено позволял ему её пачкать, безнаказанно топтать, глумиться над её слабостью, бахвалясь своим могуществом. Птирбан принял его так, как люди принимают извещение о великом горе, но это горе было действительной духовной сущностью, без спроса и предупреждения вторгшейся в чистое человеческое существо.

Лишь миг длилась пронёсшаяся как сновидение встреча. Давно исчезли туча и породившая её тварь, но ещё долго сидел без движения хранитель, потрясённый до самих глубочайших основ души – за всю жизнь у него не было таких поражений. «Произошло что-то очень важное. Нужно ожидать дальнейших событий, вскоре всё прояснится, – раздумывал он, – вероятней всего, несчастье случилось здесь, на земле, если бы оно произошло там, наверху, я бы получил извещение заранее.»

А идущий к хранителю Шорпитук дошёл до перекрёстка, повернул на Главную дорогу и направился в сторону утопающего в зелени храма. Представший перед ним в своём монументальном величии огромный серый треугольник словно вырастал из земли, устремляясь в бесконечность и неизменно вызывая в сердцах смотрящих на него науршей чувства нерушимости жизненных правил, незыблемости духовных устоев, царящей над миром необходимости, возвышающихся над ними, как храм над Мдарахаром. Кроме него, в их жизни не было ничего, что бы пробуждало подобные мысли, отодвигающие земной мир на второй план и возносящие души далеко-далеко ввысь, прорываясь сквозь

клочковатое покрывало мутно-серого неба, взлетая в невидимую, недоступную, манящую безмятежностью неизвестность. Здесь земное встречается с небесным, и небесное порождает в земном неведомую ему мощь, возникающую где-то в глубинах души и воздымающую её к облакам, куда она следует без сопротивления, объятая удивительным внутренним ликованием. Форма святилища говорит о глубоких знаниях древними тайн мироустройства: массивным основанием пирамида собирает силовые течения земли, а остроконечной вершиной захватывает мощные излучения вселенной. Сконцентрированные храмом нисходящие излучения вселенной оплодотворяют восходящие силы земли и порождают благотворные энергетические потоки, питающие Мдарахар и окружающую его природу. То, что непрерывно изливаемая святилищем таинственная сила проникает жителей деревни, воспитывает и возвышает их души, Шорпитук не знает – рядовым мдарахарцам такие сведения не сообщаются, но, когда он взглядом и помыслами обращается к серому зданию, всегда ощущает особый внутренний подъём – наибольшей интенсивности указанная сила достигает во время созерцания.

Пленённый возвышенными чувствами Шорпитук не огляделся, как обошёл храмовую рощу и оказался во дворе хранителя. Он остановился, вспомнил, куда и зачем пришёл, поискал глазами и нашёл хозяина дома сидящим под разлогим дубом на скамье, вытесанной из цельного ствола дерева. Сколько хранителю лет, Шорпитук не знал – наурши не заботились о возрасте и не вели счёт годам, но, если нужно, высчитывали прожитое, опираясь на события из жизни общины. До глубокой старости доживали немногие, на неё смотрели как на особый дар за честно исполненный долг. Когда между мдарахарцами заходил разговор о возрасте, что бывает довольно редко, обязательно вспоминали Птирбана, прибавляя при этом, что его трудов хватит не на одно долголетие. Сам хранитель такие темы не обсуждал, однако о годах помнил – прошло уже более двух лет, как он назначил преемника, но крепость не покидала сохраняющее бодрость состарившееся тело, продолжающее собирать прожитые дни в годы, своей нескончаемостью удивляя даже его.

Шорпитук ступил несколько шагов в сторону дерева, посмотрел на лицо жреца, заметил закрытые глаза и остановился. Он не был знаком с частностями жреческой жизни, не знал, чем тот занят, и стоял, грустно

думая, что пришёл не вовремя, возможно, придётся долго прождать или даже уйти ни с чем, осмотрелся, не найдётся ли на что присесть, не увидел, расстроенно мотнул головой, потоптался на месте, и уже начинал поглядывать на выход, не решаясь потревожить хозяина, но Птирбан открыл глаза и взмахом руки пригласил подойти.

Шорпитук вкратце объяснил цель визита, подробно описал приключение дочери и, в конце, добавил:

– Сегодня Шорпитук ходил с друзьями в пещеру. Мы внимательно осмотрели куски скорлупы, они похожи на остатки старого яйца огромной птицы. Шорпитук отобрал и принёс хранителю преданий лучшие из валяющихся там кусков и какие-то лохмотья.

– Вспомни, может быть, ты видел там что-то странное, отличное от остального? – спросил Птирбан.

– Нет, ничего, что бы отличалось от остального, там не было, – ответил Шорпитук, развязывая мешок и вынимая содержимое.

Хранитель наклонился над кучей разложенной на траве скорлупы, внимательно осмотрел куски, взял в руки верхний, поднёс к глазам, рассмотрел со всех сторон, положил, взял второй, третий, затем перешёл к лохмотьям, перебрал их и поинтересовался:

– Как себя чувствует дочка?

– Когда Шорпитук уходил, Свидамиль помогала жене пропалывать грядки. Тормидаль сказала, что она выздоровела, – ответил Шорпитук.

– Птирбан не стал бы этого утверждать, – задумчиво произнёс хранитель и, немного погодя, добавил, – попрошу привести её ко мне. Опасность никуда не ушла, хотелось бы, чтобы девочка побыла здесь.

Пообещав привести дочку и попрощавшись с хранителем, Шорпитук поспешил домой. Слова жреца его встревожили, он надеялся, что худшее – ночь после посещения пещеры, позади, ничего опасного не случилось, остаётся только с облегчением вздохнуть, а тут такая просьба! Если бы это было что-то обычное, хранитель посоветовал бы, какими травами лечить, какие прикладывать компрессы, на худой конец, попросил бы привести дочку на осмотр, но предложение оставить её на какое-то время у него означало неординарность происшествия, с вероятностью самых неожиданных последствий. Как он ни старался отогнать от себя нехорошие мысли, они с удивительным упорством возвращались обратно, с надоедливой настырностью тревожа сердце бедного Шорпитука, широко и размашисто шагающего в сторону дома.

* * *

Птирбан проводил задумчивым взглядом уходящего Шорпитука, поперебирал скорлупу в оставленном ему мешке и занял прежнее положение, но вскоре резко встал, будто вспомнив о срочном деле, сложил оставшиеся неубранными куски с лохмотьями в мешок, отнёс его в дом и пошёл в святилище.

В храме без надобности факелов не зажигают. Птирбан сначала зашёл в одну из южных построек, где в помещении для хранения инвентаря лежали готовые факелы, захватил три штуки, не надеясь на те, что в специальных держателях стояли в комнатах храма, подошёл к входу в святилище, зажёг один из них и направился вглубь. Пирамиды времён ранних атлантов сложностью планировки не отличались. Мдарахарская разделена на две части, по принципу доступности – общую и тайную. Общая – основная, начинается от входа и занимает больше половины пирамиды, в ней говорят с Богом, обращаются к прошлому, воскуряют благовония в пристроенном к стене жертвеннике. В конце помещения виднеются три проёма, из них два, левый и средний, служат входами в комнаты для хранения священных сосудов, правый ведёт в тайную половину, состоящую из одного помещения для проведения таинств, обрядов очищения, ознакомления учеников с соседними мирами, введения в статус жреца и других важных ритуалов священников.

Хранитель вошёл в правый проём, повернул направо, проследовал в дальний конец коридора, отворил тяжёлые двери и зашёл в тайную комнату. В ней нет ничего ценного, только грубо вырезанная из камня и дерева утварь для проведения обрядов, огромная каменная ёмкость с водой и две деревянные скамейки вдоль стен. Двери установлены, чтобы преграждать путь тем, кто забрёл в конец коридора ошибочно, по незнанию, неосторожности либо невнимательности, их задача – закрывать от случайного посетителя настенные знаки, изображения и тайные церемонии. Объясняя односельчанам присутствие в храме дверей, жрецы говорили: «Всяк несёт ношу, которую способен поднять.»

Пройдя внутрь комнаты и зажёгши все факелы на интересующей его восточной стене, Птирбан почти вплотную подошёл к её центральной части и пристально стал всматриваться в роспись, изображающую странных существ, наполовину крокодилов, наполовину птиц, змей с туловищами хищных зверей, драконоподобных чудовищ самых разнообразных

форм и размеров с раскрытыми зубастыми пастями и острыми когтями. На первый взгляд их внешность кажется плодом воображения гораздого на выдумки художника, но, если присмотреться, рядом с ними можно заметить сражающихся с драконами маленьких человечеков. Невзирая на многократно уступающие чудовищам размеры, они совсем не беззащитны, в их руках виднеется опасное оружие – испепеляющее пламя и сверкающие молнии, сжигающие хищников, как сухую траву. Случайно забредшему в комнату мдарахарцу сцены баталий ничего не скажут, но дадут беспредельные возможности поизмышлять и пофантазировать, не ограничивая себя ни количеством вариаций, ни последовательностью комбинаций. От несведущих глаз сведения надёжно спрятаны в разбросанных на стенах штрихах и знаках, служащих ключами к разгадке. Для умеющего читать они подобны солнцу, проявляющему цвета и оттенки, превращающему ночной мрак в дневной свет. Прочтение символов усиливается воздействием особых красок – соединённые со знаками, они создают в душе силовые потоки и открывают осведомлённому заложенный в картине смысл, освещая скрытое, как блеск молнии освещает непроглядную темень. Птирбану известны тайные знаки древних, он внимательно изучает изображения, словно ощупывает их один за другим, стараясь не пропустить ни чёрточки, ни точки – на стене нет бессмысленных обозначений, любая линия может сказать очень многое, указав путь к ответу на заданный вопрос.

В комнате абсолютная тишина. Отчётливо слышен любой шорох, каждый удар сердца Птирбана звучит словно глухой стук молота, забивающего деревянные столбы. Полная тишина обязательна и необходима. Значение настенного символа нужно мысленно схватить, связать с картиной, сформировать цельный образ и сфокусировать на нём своё внимание, вытеснив из сознания всё, что там было. Хранитель заглушает воздействие внешнего мира и переносится во внутренний, настенные изображения находят к нему доступ, проникают внутрь, подхватывают и устремляют к запечатлённым в них действиям, в самую гущу предисторических событий. Первые образы приходят медленно, они – как идущие из последних сил усталые путники, появляются издалека, незаметно окружают пожаловавшую к ним душу, затем стремительно накатывают, охватывают со всех сторон и во всю ширь распахивают картины истории. Принимая проникающее изнутри прошлое, нужно удержать под контролем настоящее – прикасаясь к вечности,

нельзя ей позволить себя увлечь, если это случится, вихри времени захватят душу и унесут в дебри беспамятства. Вырваться из него будет нелёгкой задачей. Душа очаруется завлекающим светом соблазнительных перспектив и закружит вокруг своего существа, но в этом состоянии не сможет ни приблизиться к себе, ни оторваться от похитителей памяти.

Птирбан прочно удерживает нити, связующие вечное с преходящим, чувствует и понимает суть и значение воскресших образов, воссоздавших один из грандиознейших эпизодов давно минувших дней: сколько может охватить взор, объятая огненно-туманным хаосом земная поверхность пылает и дрожит, то здесь, то там сверкают молнии, гулко гремят громы, вздымается почва, рушатся горы, разбиваются на части и крошатся камни. Он попал в худшее в истории земли время, когда вся планета стала ареной сражения между огромными чудовищами и едва различимыми среди дыма и пыли крылатыми существами – как тени, мелькают остервенело бросающиеся на них свирепые хищники, бьют массивными хвостами, лязгают зубастыми пастями, машут когтистыми лапами, промахиваются и приходят в неистовство, а юрким летающим человечекам их лютость нипочём, они смело носятся меж смертельно опасных гигантов, ловко уходят от их страшных ударов и поражают силой звука и огня. Ожившие драконы прыгают, скачут с места на место, свирепо рычат, злобно клацают зубами, пытаясь поймать быстрых, как ветер, лёгких, как бабочки белоснежных человечеков, увёртывающихся от их ударов и мечущих в них раскатистые громы и огненные молнии. Баталия сопровождается оглушительным грохотом камней, треском деревьев, топотом ног, хлопаньем крыльев, смешанных с победоносными криками, звериным рёвом, лаем, хрюканьем, визгом, завыванием, шипением. Старцу открылась панорама яростнейшего сражения всех времён, даже с безопасного расстояния в тысячелетия его вид пронзает ужасом, замедляет течение крови, отнимает волю, заставляет слабое тело предательски онеметь – прозорливая душа норовит спрятаться от несущего смерть. Но лицо Птирбана остаётся невозмутимым, удары сердца – ровными, взгляд – спокойным. Хранителя не интересует сражение, его зоркий взгляд ищет в нём что-то, не относящееся к противостоянию. Жрец отрешается от хаоса битвы, ловит любые посторонние движения, выхватывает из общего гула едва слышимый писк и находит маленького незаметного щуплого зверёныша – это суетливо ищущая укромное местечко самка дракона. Малышка бегает от кучи к куче, тычется